

М.М. Кашапов

**Психология
творческого
мышления
профессионала**

Мергальяс Кашапов

**Психология творческого
мышления профессионала**

«Когито-Центр»

2006

УДК 159.9
ББК 88

Кашапов М. М.

Психология творческого мышления профессионала /
М. М. Кашапов — «Когито-Центр», 2006

В монографии обсуждаются теоретические и практические аспекты творческого мышления профессионала. На основе ситуационного подхода как метода познания и формирования творческого мышления профессионала сформулированы исходные идеи книги. Определены наиболее важные психологические особенности и специфика творческого мышления, функционирующего в структуре профессиональной деятельности. Вычленены формы и типы творческого профессионального мышления. Выявлены психологические особенности мышления профессионала в процессе решения конфликтной ситуации. С целью развития сильных сторон в профессиональном мышлении разработана система образовательных инновационных технологий. Обоснованы критерии эффективности творческой мыслительной деятельности профессионала. Монография адресована студентам, практикам, руководителям и всем интересующимся проблемами современной психологии.

УДК 159.9
ББК 88

© Кашапов М. М., 2006
© Когито-Центр, 2006

Содержание

Введение	6
Часть I. Гносеологические основы исследования творческого мышления профессионала	12
Часть II. Методологические основы исследования творческого мышления профессионала	26
Конец ознакомительного фрагмента.	40

М. Кашапов
Психология творческого
мышления профессионала

© Кашапов М. М., 2006

© ООО «ПЕР СЭ», оригинал-макет, оформление, 2006

* * *

Введение

В настоящее время, в эпоху преобразования и модернизаций, происходит переход от стратегии «выживания» к стратегии «процветания». Поэтому особенно востребованы профессионалы, т. е. люди, обладающие, прежде всего, высокой культурой творческого мышления. В данной книге предлагается подход, направленный на решение жизненно важного вопроса: как помочь начинающему специалисту состояться зрелым профессионалом?

Теоретические и практические проблемы творческого профессионального мышления привлекали к себе внимание многих авторов. Среди них такие видные исследователи, как О. С. Анисимов, Д. В. Вилькеев, И. И. Казимирская, В. Д. Шадриков, Ю. К. Корнилов, А. В. Карпов, Ю. Н. Кулюткин, А. К. Маркова, Л. М. Митина, Н. В. Кузьмина и другие. В некоторых из этих работ авторы рассматривают профессиональное мышление как уровневый процесс, а творчество выделяется как основное профессионально важное качество специалиста. Становится очевидным, что именно «уровневость» профессионального мышления выступает его неотъемлемой чертой, возникшей, с одной стороны, как проявление общих, фундаментальных закономерностей функционирования мышления человека, а, с другой стороны, отражает профессиональную специфику.

Профессиональное мышление – это совокупность таких интеллектуальных умений, реализация которых обеспечивает успешное осуществление профессиональной деятельности. Это одна из форм мышления, закономерности которой базируются на общих законах мышления, а также имеют свою специфику. Следовательно, профессиональное мышление – это обобщенное отражение в сознании специалиста значимых фактов, явлений, процессов в их необходимых, существенных связях и отношениях, характерных для данного вида деятельности.

Профессиональное мышление является одной из форм мышления и имеет целый ряд отличительных особенностей и свойств: активность – преобразующая позиция субъекта мышления; специфичность объекта мысли, которым является не сам объект изучения или труда, а вся взаимодействующая система (субъект действия, его воздействие на объект и сам объект труда); индивидуализированность мышления, обобщенность знания, т. е. профессиональное мышление зависит от индивидуальных приемов, от имеющихся средств исследования, от конкретной профессиональной деятельности; действенность, т. е. внесение изменений, преобразований.

Необходимые черты проблемных ситуаций: наличие у субъекта потребности в их решении, причем принципиально новым, ранее не используемым способом. Проблемные ситуации порождают у субъекта потребность в выработке различного рода внутренних регуляторных схем, позволяющих более эффективно организовывать свои мыслительные действия. Одной из самых универсальных схем такого порядка является рефлексия, так как одной из её функций является именно творческое регулирование процессов мышления.

Субъект оценивает себя как способного решить данную проблемную ситуацию и оценивает проблемную ситуацию как решаемую. Решить проблемную ситуацию – значит найти неизвестное, которое всегда имеет какую-либо степень обобщения, что впоследствии будет позволять использовать найденное решение в подобных ситуациях. Наличие некоторого уровня обобщенности связано с тем, что необходимый механизм – творчество – работает не столько с конкретным содержанием, сколько с особенностями мышления (например, способами мышления), носящими универсальный характер. Основная направленность творческого мышления характеризуется «схватыванием нити», ведущей к оптимальному разрешению узловой проблемы. В этой связи трудно не согласиться с Г. Галилеем: «Если ты возьмешь явление в системе, то увидишь в нем то, чего раньше не видел».

Проблемная ситуация требует полного включения личности в процесс её решения. Успех решения зависит как от интеллектуальных знаний, так и от индивидуальных особенностей, ценностных ориентаций, а так же от адекватной или неадекватной позиции, занимаемой субъектом по отношению к решаемой ситуации. Отказ от задачи, уход от решения, игнорирование сложностей могут рассматриваться как неадекватная личностная/профессиональная позиция.

Существуют специфические черты профессиональных ситуаций, которые, с одной стороны, способствует возникновению проблемности, а с другой, затрудняют осуществление рефлексивного выхода и творческого анализа. На наш взгляд, эти черты проявляются следующим образом:

- Перед профессионалом постоянно возникает необходимость выявления, учета и соотнесения ситуативных и надситуативных характеристик профессиональной деятельности.

- Ситуации, возникающие в ходе работы специалиста, всегда сложны, многоаспектны, изменчивы, противоречивы и неожиданны. Для их решения необходимо адекватно ориентироваться во многих сторонах ситуации и оценивать собственные силы и возможности.

- Принятие практических решений в профессиональной деятельности специалиста неотрывно от исполнения. Необходимо избегать принципа экономии психической энергии, выбирая «прежний», проверенный способ, сводя решение проблемной ситуации к ее категоризации.

- Дефицит времени, экстремальность ситуации. Профессионал, взаимодействуя с другими людьми, нередко должен принимать и осуществлять решения немедленно и самостоятельно. Порой у начинающего специалиста нет профессиональной ниши в производственном коллективе. В случае необходимости он может получить консультацию у опытных коллег-профессионалов, работающих в других организациях, если у него есть возможность отсроченного реагирования на возникшие затруднения.

- Постоянная смена задач – отсутствие жестко заданных оперативных и конкретных целей в силу постоянно меняющегося объекта труда специалиста – производственного коллектива, который одновременно является и субъектом деятельности.

- Предметом деятельности специалиста часто является деятельность других людей. В целом, характер и содержание мышления специалиста обуславливается содержанием и характером деятельности. Перечислим некоторые особенности профессиональной деятельности специалиста, которые, по нашему мнению, могут влиять на его мышление.

1. Профессиональная деятельность балансирует между традициями, шаблонами, догмами и творчеством, свободой, инновациями; необходимо всегда четко соблюдать оптимальную меру между этими крайностями.

2. Деятельность специалиста распадается на два трудно совместимых компонента: познание и преобразование.

3. Предельной целью профессиональной деятельности специалиста является эффективное участие в решении конкретных проблем, стоящих перед производственным коллективом. Это предъявляет определенные требования к личности самого профессионала.

4. Решая определенную частную задачу, профессионал ее средствами должен пытаться реализовать предельные цели организации. В способности реализации предельных целей посредством частных целей, умении их использовать, таким образом, и состоит мастерство специалиста, поскольку в реальной практике просто нет другого пути для реализации предельных целей.

5. Профессиональные цели формулируются не в виде действий специалиста, а с точки зрения результатов деятельности заказчика, с точки зрения продвижения продукта творческого решения.

6. В процессе решения конкретной ситуации профессионал сам вычленяет и решает проблему.

7. Профессионал несет ответственность за свои решения, их реализацию и сам определяет практическую значимость и выполнимость реализации выработанного решения.

Все эти особенности с необходимостью накладывают ряд требований к качествам творческого мышления специалиста: гибкость, изменчивость в поиске форм и методов достижения цели, твердость, устойчивость, четкость и последовательность в их реализации, доведение их до конца. Быстрота в принятии решений и постоянный внутренний анализ оснований принятия решений специалистом должны осуществляться всю его трудовую жизнь. Это невозможно без привычки, самомотивации специалиста к подобного рода анализу, но культивирование этого анализа, потребности в нем и его осуществление возможно только на основе достаточно развитой рефлексии профессионала.

В рассмотрении профессиональной деятельности и мышления специалиста нами реализованы и развиты основные идеи позиций ситуационного подхода. Данный подход также является уровневым, поскольку рассматривает два крайних уровня профессионального мышления: ситуативный и надситуативный. Кроме данных крайних уровней, в ряде исследований выделяются еще и промежуточные уровни: «скорее надситуативный» и «скорее ситуативный».

Специфика и особая привлекательность этого подхода по сравнению с прочими состоит в том, что он делает возможным вычленение в качестве единицы анализа профессионального мышления – *проблемность*, а в качестве единицы анализа деятельности – *профессиональную проблемную ситуацию*. Такой подход значительно облегчает проведение исследований в условиях конкретной практики. Более того, эти единицы универсальны – то есть отражают и закономерности абстрактного процесса мышления – в любой сфере человеческого существования.

На наш взгляд, одним из компонентов любой ситуации является психическая активность субъекта, поскольку для человека ситуация существует прежде всего в форме представлений о ней, соответственно, ситуация с необходимостью включает в себя субъективный компонент. Любые внешние условия, если они никак не соотносятся и не репрезентируются в сознании субъекта деятельности, ситуацией для него являться не будут.

Особенности отражения внешних условий в сознании субъекта будут определять вид ситуации, ее субъективные границы, уровень сложности и наличие проблемности. Проблемность – это познавательная трудность и противоречие, проявляющееся в форме вопроса, заданного человеком самому себе, затруднение, которое на момент встречи с ним представляется для конкретного человека неразрешимым. Это изначальная неполная заданность конечного результата или конечной стадии процесса мышления. Проблемность, на наш взгляд, следует отличать от неудачи, рассогласования между ожидаемым и реальным положением дел, внутренним дискомфортом, возникающим при неудаче. Проблемность возникает уже на их основе. Соответственно, если профессионал «замечает» ситуацию, то из этого не следует с необходимостью возникновения проблемности.

Процесс возникновения профессионального мышления связан с выявлением субъективной проблемности в возникшей ситуации. В результате профессиональная ситуация трансформируется в профессиональную проблемную ситуацию, через которую связаны мышление и деятельность специалиста.

Таким образом, профессиональную деятельность можно представить как процесс решения проблемных ситуаций, посредством чего реализуются частные и предельные цели организации. Отсюда эффективность профессиональной деятельности рассматривается как процент проблемных ситуаций, решенных специалистом с достижением частных и предельных целей, имеющих на выходе некий обобщенный принцип решения. Косвенным показателем эффективности является количество ситуаций, решенных принципиально новым способом.

Профессиональное мышление рассматривается нами как высший познавательный процесс поиска, обнаружения и разрешения проблемности, выявления внешне не заданных, скры-

тых свойств действительности. Практическое же мышление специалиста – это анализ конкретных ситуаций с использованием теоретических закономерностей и принятия на основе этого анализа профессионального решения. В качестве единицы мышления мы рассматриваем проблемность как неотъемлемую черту познания, выражающую субъективное состояние познающего. Проблемность должна стать стилем профессионального мышления, поскольку она порождает процессы мышления и рефлексии, направленные на «снятие» профессионально-значимых противоречий.

Продуктом профессионального мышления в данном случае будет являться снятие проблемности и разрешение проблемной ситуации, которое несет за собой некий обобщенный способ действия или прием, который может применяться в подобных ситуациях. Протекание процесса профессионального мышления рассматривается нами на двух уровнях: ситуативном и надситуативном. Доминирующий ситуативный и доминирующий надситуативный уровни являются полюсами континуума уровней мышления.

Ситуативное мышление характеризуется приоритетным влиянием жизненных обстоятельств, связанных с сиюминутными ориентациями личности профессионала. В процессе реализации ситуативного мышления проблема не вычленяется как исходное противоречие. Ситуативное мышление обусловлено признаками ситуации. У таких специалистов самоанализ, самопомощь имеют случайный характер, акцент в решении профессиональной проблемной ситуации смещается на внешнюю помощь. Ситуативный уровень обусловлен влиянием конкретных условий профессиональной деятельности, характеризуется эмоциональным отношением к решаемой ситуации, ее участникам. Наблюдается тенденция непосредственно и сразу приступать к решению проблемы без ее предварительного анализа, осуществляется реконструктивный способ выполнения профессиональной деятельности. Основная цель профессионала – снять видимую проблему без учета ее этиологии. Нет попыток сделать проблемную ситуацию средством достижения предельных целей организации.

При переходе с ситуативного на надситуативный уровень мышления происходит уменьшение обращений за внешней помощью, начинают преобладать способы самопомощи.

Для профессионалов с надситуативным мышлением характерен высокий уровень самоанализа, активизация собственных потенциальных возможностей и собственного опыта, повышение критичности к своим действиям. Надситуативный уровень мышления характеризуется выходом субъекта в своем мышлении за пределы непосредственно данной ситуации. При решении проблемы профессионал привлекает не только практические, но и теоретические социально-психологические знания. Каждый акт решения ситуаций характеризуется направленностью на саморазвитие, творчество. Каждая ситуация становится инструментом реализации не только частных, но и предельных целей организации. Противоречие, существующее в ситуации, становится основным стимулом для профессионального саморазвития – детерминирующего способность личности превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования. То есть профессионал постоянно выходит за пределы наличного, частного момента своей деятельности в ее рефлексивный, ценностный контекст.

Надситуативная проблемность характеризуется выявлением проблемности за пределами конкретной ситуации и осознанием специалистом необходимости изменения некоторых аспектов своей личности. Умение устанавливать и разрешать надситуативную проблемность является наиболее значимым для успешного решения профессиональной проблемной ситуации. Для профессионалов с надситуативной проблемностью характерна критичность мышления, стремление к доказательности и обоснованности своей профессиональной позиции, способность и стремление ставить проблемные вопросы, стремление и способность вести дискуссию, готовность к адекватной самооценке. Преобладание такого уровня мышления порождает в плане профессиональной деятельности надситуативную активность – способность специали-

ста подниматься над уровнем решаемой ситуации, ставить цели, избыточные с точки зрения профессиональной задачи.

Специалисты, использующие надситуативный уровень, являются более успешными в творческом выполнении своих профессиональных функций. Профессионалы с ситуативным уровнем в целом менее успешны, чем их коллеги.

Следовательно, профессиональное мышление специалиста континуально и его полюса – надситуативный и ситуативный – достаточно абстрактны. В реальной практике в мыслительной деятельности профессионала проявляется относительное преобладание ситуативного или надситуативного уровней мышления. Иными словами, у каждого специалиста в той или иной мере наблюдаются проявления как ситуативного, так и надситуативного мышления. Более того, и те, и другие решения необходимы в труде специалиста. Исчезновение решений как ситуативного, так и надситуативного характера несовместимо с осуществлением профессиональной деятельности на высоком уровне. Ситуативная или надситуативная проблемность возникает во многом из-за характера ситуации, с которой сталкивается профессионал. Более того, трудно уверенно говорить о наличии порога, где преобладающее ситуативное мышление меняется на преобладающее надситуативное, скорее это некая «мертвая зона», где характер мышления не определен.

Теоретически, преобладающего надситуативного уровня мышления можно достигнуть несколькими механизмами:

1. Увеличение доли надситуативных решений, ситуативное мышление остается на том же уровне.
2. Увеличение доли надситуативных решений и снижение доли ситуативных решений.
3. Снижение доли ситуативных решений, надситуативный уровень остается без изменений.

Первый механизм характерен для профессионалов, чей уровень ситуативности и так низкий, в противном случае он просто может исчезнуть, что приведет к разрушению профессиональной деятельности. Второй и третий механизмы характерны для специалистов с высоким уровнем ситуативности, который может быть сдерживающим фактором эффективного осуществления профессиональной деятельности. Аналогичным образом можно рассмотреть и возможности изменения ситуативного мышления в сторону его увеличения. К сожалению, существующие методики исследования дивергентной продуктивности не работают в отношении выявленных компонентов творчества в структуре профессионального мышления.

Таким образом, исследование и формирование творческого мышления профессионалов является вариативным. Так, обучение творческому решению конфликтных ситуаций характеризуется формированием позиции открытости, поиска нового – знания, опыта, умения импровизировать, действовать за рамками предусмотренного, преодолевать приверженность старым сложившимся образцам, страх перед неопределенностью и неизвестностью, недоверие к себе, боязнь быть застигнутым врасплох.

Любой человек может проявить творчество, как в предотвращении конфликта, так и в разрешении уже возникшего конфликта. Первый вид творчества является более важным и ценным. Он характеризуется проявлением личности в целом, а во втором случае происходит ситуативное проявление определенной части личности, например, ролевых характеристик «подчиненный», «руководитель», «психолог».

Условием творческого разрешения конфликтной ситуации является создание соответствующего социально-психологического климата, характеризующегося доброжелательностью и добросовестностью. Творческий подход к конфликту характеризуется тем, что условия профессиональной деятельности специалиста трансформируются в средства его деятельности. Для этого специалисту необходимо владеть гибким индивидуальным стилем управления и воздействия. Важным компонентом гибкости является когнитивный стиль как стабильный инди-

видуально-психологический способ приема и переработки информации. Он характеризуется «острым» глазом и умом специалиста. Когнитивный стиль включает в себя: а) видение завуалированного в выполняемой деятельности, в том числе и латентных признаков конкретной конфликтной ситуации; б) видение впрок (заметить то, что сегодня не востребовано, но может пригодиться завтра, послезавтра); в) видение перспективы (выявление ростков нового, позитивного, т. е. того, на что можно «опереться» в реализации своих психологических решений). Когнитивные стили во многом обуславливают положительные или отрицательные последствия профессионализации специалиста, которые определяются его личностными особенностями как субъекта профессиональной деятельности, спецификой других субъектов, универсальностью и содержанием профессиональной деятельности.

В целом, это означает умение выстраивать стратегию перспективы, в ходе стремления к которой одно цепляется за другое, поскольку в действенной стратегии всё функционирует в системе, и время начинает работать на достижение намеченного результата. В этом случае специалисту «удается поймать систему за хвост»: создается сценарий рефлексивного управления, предопределяющий поведение людей, обратившихся за психологической помощью. Рефлексивное управление состоит в том, что создаются внешние условия, которые становятся внутренними регуляторами активности.

Условия профессиональной деятельности специалиста превращаются в средства её оптимального осуществления лишь тогда, когда они 1) содержат творческую «начинку» (по своей сути способствуют достижению производственного эффекта); 2) создают благоприятные стимулы (внешние и внутренние) для актуализации творческого потенциала, как личности клиента, так и личности специалиста; 3) становятся опорой для достижения профессиональных целей (для этого требуется включение конструктивного мышления, именно оно помогает найти то, на что можно опереться в своей деятельности на данном этапе её выполнения); 4) латентные, скрытые условия конкретной ситуации становятся объективными, «работающими» и реально влияющими на успешное осуществление профессиональной деятельности, если профессионал умеет видеть «около», если у него развито «боковое», творческое мышление. Следовательно, ему важно научиться распознавать условия ситуации, потенциально могущие стать эффективными средствами ее решения и учитывать их в своем практическом мышлении.

Центральным моментом в деятельности специалиста является процесс принятия профессиональных решений, где можно обнаружить единство интеллектуальных, эмоциональных и волевых качеств личности. По тому, как подготавливаются, принимаются и выполняются профессиональные решения, можно судить о реальной силе практического мышления специалиста и о своеобразии его управленческого искусства. Рассматривать данный аспект без наличия у специалиста оригинальности, изобретательности, творческой жилки, нетрадиционного подхода не представляется возможным. Поэтому необходимо соотносить «продукты» мышления специалиста с его творческим потенциалом. К творческому же компоненту психологического мышления относятся способность свободно и быстро изменять способы деятельности в зависимости от складывающихся условий, способность твердо отстаивать принятые решения.

Таким образом, важно тонко чувствовать, когда и какой способ решения конфликта нужно применить. Творческий подход означает умение разобраться в механизмах конфликта и нахождении «ключика», который остановит и исчерпает конфликт. Плодотворный для обоих участников творческий процесс может представлять собой только конфликт, не выходящий за рамки конструктивного. В целом творческое отношение к конфликту, его осмысление предполагает ориентацию его участников на позицию «выиграть – выиграть», что способствует самоактуализации личности, её целостности и гармоничности в отношении к себе и другим.

Часть I. Гносеологические основы исследования творческого мышления профессионала

В основании профессиональной компетентности современного специалиста находятся философско-мировоззренческие знания, отражающие широту его кругозора и общую осведомленность. Это позволяет профессионалу увидеть более широкий контекст своей работы, место своей специальности (и всей профессии) в структуре общественной деятельности. Мы понимаем под компетентностью способность человека преобразовывать свои знания в профессиональные действия (умения, навыки), обеспечивающую стабильно высокие результаты деятельности и позволяющую достигать поставленные цели в конкретной ситуации.

Как профессионал воспринимает и осмысливает ситуацию, так он и поступает. Его мысли определяют профессиональные действия соответственно его пониманию этой конкретной ситуации. На вопрос, каким же образом профессионал осмысливает трудную для него ситуацию, у психологов существует немало различных точек зрения. Большое разнообразие направлений исследований имеет, безусловно, позитивное значение. То или иное философское мировоззрение психолога порождает соответствующую методологию, которая в удобном для исследователя ключе трактует сущность профессионального мышления.

В ходе анализа гносеологических подходов к исследованию профессионального мышления как процесса решения проблемных ситуаций, возникающих в деятельности специалиста, необходимо, на наш взгляд, ориентироваться на три очень важных момента: 1) выделение в классических философских концепциях и школах идей, имеющих ценность для современного понимания психологической природы именно профессионального мышления специалиста; 2) осмысление тех парадигм, которые сохраняют общетеоретическую ценность и значимость для современной психологии личности профессионала, ибо методологический подход задает лишь общее направление исследования проблем профессионального мышления; 3) выявление и методологическое обоснование структурной единицы профессионального мышления.

Каждая единица наделена определенными значениями. «Единицу» Л. С. Выготский трактует как продукт анализа, который, в отличие от элементов, обладает всеми основными свойствами, присущими целому и который является далее неразложимой живой частью этого единства. Такое понимание единицы позволяет исследовать мышление как целое во всем его своеобразии, не сводя его к процессам элементарного порядка. Между единицами есть связь, установить которую позволяет анализ базовых определений, разработанных в конкретной научной школе.

Поиск и вычленение единицы анализа профессионального мышления является актуальным, поскольку исследование профессионального мышления специалиста связано с анализом и решением профессиональной проблемной ситуации, для которой характерна эпизодичность и субъективная неструктурированность. Практически все современные подходы к пониманию профессионального мышления опираются в своей основе на различные направления философской мысли.

Мышление в немецкой классической философии

Основоположником немецкой классической философии является И. Кант. Он утверждал, что разум по своей природе диалектичен и антиномичен. Согласно И. Канту, антиномия необходимо возникает в человеческом разуме при попытке мыслить мир как единое целое, подразумевая в качестве предпосылки идею безусловного или абсолютного. По Канту, неизбежные противоречия рождаются в нашем уме вследствие того, что понятие абсолютного, бес-

конечного, приложимое лишь к миру вещей в себе (тезис), применяется к миру опыта, где наличествует только преходящее, конечное и обусловленное (антитезис). Мир как безусловное целое может быть предметом разумного теоретического познания.

И. Кант определил *надситуативность* как способность субъекта выходить за пределы «внешней целесообразности», задаваемые конкретными требованиями поставленной перед ним задачи, и по мере этого – преодолевать границы возможностей собственного актуально действующего «эмпирического Я» [8].

Антиципация, по И. Канту, выступает как принцип познания, формально, априори, определяющий любой опыт. Это, прежде всего, антиципация восприятия «знания, благодаря которому я могу априори познать, определить то, что относится к эмпирическому познанию», т. е. пространство и время в отношении формы и величины.

Благодаря именно И. Канту в современной психологии мышления антиципация обозначает представление в сознании человека в схематической форме ответа на какую-либо проблему ещё до того, как она будет реально решена. Он утверждал, что всякая мысль – самоцель и ни в коем случае не должна рассматриваться как средство осуществления каких бы то ни было задач, хотя бы это были задачи всеобщего блага. Поступок будет моральным только в том случае, если он совершается единственно из осознания нравственного закона и уважения к нему. В случае конфликта между чувственной склонностью и нравственным законом И. Кант требует безусловного подчинения нравственному долгу.

Понятия «мышление» и «рефлексия» исследовались И. Кантом в неразрывной связи с личностью. Понятие рефлексии приобрело у него отчетливую гносеологическую и вместе с тем, методологическую форму, в которой оно представлено в настоящее время. Рефлексия, по его мнению, не имеет дела с самими предметами и не получает понятий прямо от них; она есть такое состояние души, в котором мы приспособляемся к тому, чтобы найти субъективные условия, при которых мы можем образовать понятия. Рефлексия есть осознание отношений представлений к различным нашим источникам знания, и только при её помощи отношение их друг к другу может быть определено.

И. Г. Фихте, увлекшись идеями И. Канта, написал анонимно «Опыт критики всякого откровения» (1792). Данный труд был принят за работу Канта и высоко оценен. Под влиянием событий Великой французской революции Фихте написал работу, посвященную защите свободы мысли. В основе его философии лежит убеждение в том, что практически-деятельное отношение к предмету предшествует теоретически-созерцательному отношению к нему [19]. Познание составляет у Фихте лишь подчиненный момент единого практически-нравственного действия. Личность есть устойчивый принцип упорядочивания событий, определяющий характер познания, но не являющийся объектом мышления. Самоопределение предстает как требование, задача, к решению которой субъекту суждено вечно стремиться. Индивидуальное и абсолютное «Я» у Фихте то совпадают, то совершенно распадаются; эта «пульсация» совпадений и распадений – ядро диалектики Фихте как движущего принципа мышления. Рефлексия является средством самопознания, понимания оснований собственного мышления.

Психология мышления в рамках прагматизма

В рамках **прагматизма** психологи (Дж. Г. Мид, Ч. Пирс, У. Джемс, Д. Дьюи) разрабатывали концепции, в которых рассматривали мышление, в том числе и профессиональное, как средство приспособления к среде с целью успешного действия (истина становится *полезностью*). Функция мысли – не в познании как отражении объективной реальности и основанной на нём ориентации и осуществления деятельности, а в преодолении сомнения, являющегося помехой для действия (Ч. Пирс), в выборе средств, необходимых для достижения цели (У. Джемс) или для решения «проблематичной ситуации» (Д. Дьюи).

Так, Д. Дьюи работал, главным образом, над гносеологической проблемой, пытаясь утвердить более прочный фундамент для этой новой и оригинальной формы эмпиризма. Он исследовал «возможности истинно-научной постановки ума в процессе приобретения знаний на всех стадиях обучения» [7, с. 9]. Элементы мышления (по Д. Дьюи) – поддержание состояния сомнения и ведение систематического исследования.

Опыт никогда не дан изначально. Мышление рассматривается как средство приспособления организма к среде с целью успешного поведения. А истина понимается как полезность и работоспособность идей. Мышление благодаря таким операциям как анализ и заключение выражает в непредвиденных ситуациях.

У. Джемс выделил в мышлении две черты: проницательность и умение гибко оперировать опытом. Процесс формирования умственных способностей определяют практические и эстетические интересы. Ценность мышления характеризуется полученным результатом.

Реальность знаний заключена, прежде всего, не в форме словесных абстракций, а в способах профессиональной деятельности познающего субъекта, для которого преобразование предметов, средств таких преобразований является столь же необходимыми компонентами «знаний», как их словесные оболочки. «Сознательность» может быть действительно реализована лишь в том случае, если субъект познания (обучаемый) получает, например, психологические знания не в готовом виде, а самостоятельно выясняет условия их происхождения, благодаря которым они становятся необходимыми и действенными.

Наряду с отмеченными выше достоинствами необходимо отметить, что для прагматизма характерно доминирование описательного, а иногда и редуccionистского способа исследования мышления. К сожалению, и в некоторых современных исследованиях страдают прагматизмом, предмет профессионального мышления сводится либо к методическим, либо к коммуникативным компонентам выполняемой деятельности.

Позитивистская концепция мышления

Существенный вклад в понимание мышления внес **позитивизм** (О. Конт), провозгласивший, что наука не объясняет, а лишь описывает явления и отвечает не на вопрос «почему?», а на вопрос «как?». Именно поиск **смысла** является единицей анализа мышления. Согласно положениям номиналистического реализма, в мышлении создаются модели объектов (Б. Рассел, К. Р. Поппер, А. Эйнштейн). Мышление направлено на создание модели, с помощью которой происходит объяснение познаваемого объекта. Событие – это объект, который делает осмысленным любое высказывание. Истинно позитивное мышление заключается в способности видеть, для того чтобы предвидеть. Изучать то, что есть и отсюда заключать, что должно произойти. Истинное знание, в отличие от неистинного, можно проверить опытным путем.

Особое внимание обращается на описание действенных знаний (Э. Мах). Введение и обоснование понятия «интроспекции» как перехода от внешнего к внутреннему позволило Р. Авенариусу разработать принцип экономии мышления. Этот принцип строится на трех базисах: биологизм, позитивизм, субъективизм. Мышление – это чистое, экономное описание. Мышление отождествляется с языком. Объективный мир подменяется тем, что о нем говорят.

Если ранний позитивизм стремится к систематизации научного знания в рамках суровой механистической парадигмы, то в контексте профессионального мышления заслуживает внимания позиция постпозитивизма (К. Поппер, У. Куайн, П. Фейерабенд). Так, Карл Поппер разработал теорию трех миров: первый – мир объектов; второй – мир субъектов; третий – мир объективных знаний, мир теорий, который порожден первым и вторым миром. Событие представляет собой фундаментальную для мышления структуру, позволяющую фиксировать и извлекать информацию для мира. Событие – это носитель смысла предложения, это тот «объект», который реферирует (делает осмысленным) любое высказывание. В частности, М. Шлик

пишет, что окончательное наделение смыслом всегда происходит с помощью деяний, а «деяния» или «действия» неразрывно связаны с событием.

Однако попытка построить строгий фундамент психологии с помощью «протокольных отношений» отсылает исследователя к описанию событий на уровне ощущения и восприятия. Тем не менее, применение сформированного М. Шликом принципа верификации бесспорно может углубить исследование проблематики профессионального мышления, в котором до сих пор не выделены и не описаны ядерные, базовые и периферийные качества и характеристики. Данные авторы расширили рамки неопозитивизма, но не настолько, чтобы он мог стать всеохватывающей мировоззренческой концепцией.

Технократический подход, коренящийся в философии позитивизма, был перенесен в практику организации производственных и трудовых процессов в связи с резко возросшей потребностью повышения эффективности деятельности крупномасштабных производственных систем. Благоприятной средой для реализации доктрины научного управления (научной организации труда) являются организации, в которых доминирует бюрократическая организационная культура.

Разработанная позитивистами идея выхода за привычные пределы личностной капсулизации представляет особый интерес, поскольку консервация личности приводит к затуханию креативности. Личностные характеристики субъекта мышления на процессуальном уровне оказываются динамичными, постоянно реагирующими на изменения, происходящие в познаваемом объекте, ситуации. Такой гносеологический подход представляется нам перспективным в отношении психогигиены личности профессионала, особенно в контексте становления позитивного творческого мышления, направленного на разрушение собственных профессиональных стереотипов. Выход за привычные рамки мышления есть, по мнению сторонников данного направления, основа творчества.

Понимание мышления в рамках операционализма

В контексте теории **операционализма** (П. У. Бриджмен) теоретические понятия сводятся к эмпирическим процедурам измерения. В трактовке познания П. У. Бриджмен абсолютизировал эмпирический аспект науки и недооценивал фактическую роль абстрактного мышления и абстракций. Он считал бессмысленными теоретические понятия, не верифицируемые в опыте. Идею связи значения понятия с совокупностью действий (операций), ведущих к их применению, он перенес в методологию науки и теорию познания в качестве общего принципа: определять научные понятия надо не в терминах других абстракций, а в терминах *операций опыта* (операциональное определение понятий).

Согласно операционализму, смысл того или иного понятия синонимичен соответствующему множеству операций. Так, понятие профессионального мышления может быть определено лишь операциями измерения (т. е. инструментальными). Операциональные определения являются универсальным способом формирования теоретических понятий, что очень важно для становления специалиста на ранних стадиях профессионализации.

Мышление в контексте теории рационализма

В концепции **рационализма** все достоверные знания идут от разума, мышления и суждения. Современный рационализм возник как попытка объяснить логически особенности истин математики и математического естествознания. Его представители в 17 веке – Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. В. Лейбниц; 18 век – И. Кант, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегель. В данной теории рассматривается механизм приобретения знаниями всеобщего характера.

Представитель французского рационализма Р. Декарт отмечал, что все науки, изучаемые людьми, являются человеческой мудростью. Для познания вещей нужно учитывать лишь 2 условия: 1) самих познающих; 2) вещи, подлежащие познанию. В нас же имеются способности, которыми мы можем воспользоваться: разум, воображение, чувства, память. Существование и мышление – есть не просто 2 качества, присущие разумной субстанции. Сама эта субстанция – единство деятельности мышления и его продукта – мыслящего «Я».

Таким образом, самосознание, мысль о собственном существовании является наиболее достоверной и может служить отправной точкой истинного познания. Согласно его мнению основой философии является субъективно пережитый процесс мышления. Он подчёркивает, что создание собственных мыслей является более ценным, чем усвоение чужих. Рациональная интуиция – метод и критерий истинности; интуитивное знание – истинность в нём самом, в его лёгкости и отчётливости.

В его интерпретации интуиция оставляет в стороне содержание психологической жизни индивида. Впоследствии из этой стороны теории Декарта – мысли об индивидуальном сознании как о «Я», вышел экзистенциализм Хайдегера и Сартра. Но, сделав личное самосознание исходной точкой и критерием науки, мы не в силах объяснить содержание самого сознания.

Р. Декарт, рассуждая о культуре, отмечал, что все науки, изучаемые людьми, являются человеческой мудростью, и не нужно полагать умом какие либо границы, ибо познание одной истины удаляет нас от другой. Он утверждал, что все науки связаны между собой настолько, что гораздо легче изучить их все сразу, чем отделяя одну от другой. Человек, выбравший определенную струю для исследования, должен думать только о приумножении естественного разума для того, чтобы в любых случаях жизни предписывать воле, что нужно выбирать. Мысль – это то, что человеку непосредственно дано. Он подчеркивает, что создание собственных мыслей является более ценным, чем усвоение чужих.

Рене Декарт был одним из первых, кто выявил и описал правила научного творчества. Он полагал, что, осозная эти правила и пользуясь ими, человек сможет, не отклоняясь от прямого пути, искать истину. В дальнейшем это направление стало называться методологическим. Оно позволило выявить основные требования к научному изучению явлений действительности. «Различие наших мнений происходит не от того, что одни разумнее других, а только от того, что мы направляем наши мысли различными путями и рассматриваем не одни и те же вещи» [4, с. 250].

Г. В. Лейбниц выделяет 3 ступени познания и 3 вида идей. Высшая ступень – умопостижаемые знания, они являются самыми достоверными, ясными и обобщёнными и открываются человеку путём рациональной интуиции. Мысли являются действиями и врождёнными быть не могут (как у Декарта) – истины и идеи даны человеку как потенциальное знание, подобно фигуре, которая заложена в камне в виде прожилок мрамора до того, как скульптор начнёт высекать фигуру.

Б. Спиноза хоть и не был математиком, но был убеждён в универсальности математического метода как наиболее полного воплощения принципов рационализма. Сущность человеческой души – в познавательной деятельности и связана с наличием в душе понятий и идей. Как рационалист, Б. Спиноза указывает на их логическую природу и выделяет 3 вида идей:

- мнение или воображение, основанное на чувственном опыте субъекта, не является истинным;
- рассудок, разум – знание на основе логических рассуждений. Это общие понятия. Человеческая душа постигает сходство и различие вещей;
- интуитивное знание – истинное. Критерий истинности знания – в разуме. Это общее у всех представителей рационализма.

Г. В. Ф. Гегель утверждает, что основой познания является разум. Разум предстаёт перед взором Гегеля в трёх ипостасях – как наблюдающий, действующий, достигший высшего вопло-

щения в индивидуальности. Наблюдающий разум занят критикой науки, эмпирического и теоретического естествознания. Действующий разум начинает с погони за наслаждениями. Высшая ступень действующего разума – добродетель. Индивидуальность Гегель определяет как некоторое единство противоположностей. «Индивидуальность как раз в том и состоит, что она в такой же мере есть всеобщее». Гегель утверждал, что ребёнок становится личностью в онтогенезе. Для сохранения своего «Я» человек должен быть, по мнению Гегеля, эгоистом. Он выделяет 3 вида эгоизма: эстетический, моральный, интеллектуальный.

Итак, рационализм представляет собой философское направление, признающее разум основой познания и поведения людей. Рационализм исходил из идеи естественного порядка – бесконечной цепи причинно-следственных связей, пронизывающих весь мир. Эталоном научного познания мира рационализм полагал математику и естествознание. Знания, получаемые здесь, отвечают критериям объективности, всеобщности и необходимости.

Выделение психологии из философии, оформление психологии как самостоятельной науки произошло в середине XIX в. Методологической предпосылкой психологии как самостоятельной науки выступили идеи европейского рационализма. Человеческая психика стала рассматриваться и в логике причинно-следственных отношений и объясняться законами природного мира.

Позитивный момент – психология превратилась в экспериментальную, опытную науку, ориентированную на точный анализ психологических явлений, подобный анализу в естествознании. Но с этого времени из психологии уходят такие категории как «душа», «внутренний мир человека», «субъективность». Объектами психологии становятся «психика», «психические свойства».

Негативный момент – оставаясь на позициях естествознания, внешнеобъектного подхода к человеку, психология может вычленишь лишь частичные, односторонние его проекции. Личность человека, его Я не получают отражения в психологических исследованиях. Подлинным предметом психологии человека может стать человеческая субъективность. Субъективность – это та категория в психологии, которая выражает сущность внутреннего мира человека.

Если рассматривать проблему профессионального мышления в контексте теории рационализма, то понятно, что рационализм, проповедующий рассудочность, уводит познавательный процесс в сферу условных знаков и абстрактных умозрений.

В современной литературе профессиональное мышление рассматривают как процесс осмысления специалистом закономерностей выполняемой профессиональной деятельности. Содержание профессионального мышления специалиста заключается в исследовании им сущности познаваемых явлений и творческом решении производственных задач. Эти процессы оказываются за рамками рационально-частичных представлений о психологии человека.

Феноменологическая теория мышления

В феноменологической теории мышления по отношению к проблеме познания Э. Гуссерль считается преемником картезианской традиции: «Можно сомневаться в бытии внешнего мира, зато нельзя усомниться в бытии самого сознания, в моем собственном бытии...». Специфика организации сознания проявляется, согласно Э. Гуссерлю, в его субъектно-объектной структуре. Таким образом, любой акт сознания предполагает наличие самого объекта и осуществляющего акт сознания рефлектирующего субъекта.

Для объяснения феномена рефлексии философ вводит термин «трансцендентальная рефлексия», под которым понимает «акт непосредственного постижения, интуитивного схватывания объекта». При этом сознание постигает не только «индивидуальные данности, но и сущностные связи и предметные структуры». Результаты этой рефлексии не поддаются точному языковому описанию и могут быть представлены иносказательно или метафорически.

Сама по себе трансцендентальная рефлексия определяется как особого типа опыт, внутреннее восприятие, осуществляемое без посредства органов чувств и направленное на само чистое сознание.

Мышление имеет место только в акте мышления. Мышление обнаруживает себя в качестве наблюдаемой предметности и в качестве творческого отражения. Между предметом мышления и мышлением существует смысловое пространство.

Заслуживает внимания введенное Э. Гуссерлем понятие «феноменологической редукции». Наше мышление – часть временного потока. Перед нами проскакивают озарения мысли. Если мы пытаемся уловить временной поток сразу, то мы терпим неудачу. Э. Гуссерлем предложено рассмотрение мышления из значения будущего.

М. Хайдеггер (ученик Э. Гуссерля) в книге «Бытие и время» отмечает, что время предполагает горизонт настоящего. Время временит из будущего. Время является мерой. Время, по М. Хайдеггеру, четырехмерно. Человек стоит внутри четырех мер. Августин «Нет будущего, а есть ожидание будущего». В связи с такой трактовкой мышления через временную призму особую ценность имеет рассмотрение ситуации из будущего. Причем ближняя перспектива окружена ситуацией. А творчество (новизна, неожиданность, неопределенность) связано с временной перспективой. Таким образом, для понимания профессионального мышления преподавателя важно учитывать идею **осознавания**, вытекающую из данного подхода: как только мы осознаем проблемность, границы ситуации расширяются.

Наиболее уязвимым для критики в феноменологическом подходе представляется само сознание, понимание сущности которого сводится к разделению индивидуального сознания и трансцендентального Я. Рефлексивные процессы, таким образом, становятся возможными за счет удвоения и последующего трансцендирования сознания и не рассматриваются как высшая способность сознания отслеживать как внешнюю, так и собственную, внутреннюю реальность.

Исследование мышления проводится в рамках двух подходов (номотетического и идеографического), о которых еще в середине XX века писали Виндербельд, Г. У. Олпорт, Дж. Келли. Идеографическая психодиагностика уже традиционно находится в противоречии с номотетической, основанной на подходе, ориентированном на выявление общих закономерностей и универсальных механизмов развития и формирования мышления.

Релятивистская теория мышления

Согласно **релятивистской теории** – структуры, входящие в состав поведения людей, тесно связаны с той культурой, к которой эти люди принадлежат. В соответствии с релятивистской теорией языка, у каждой культуры имеется собственная лингвистическая система, характерная именно для этой культуры и служащая матрицей для мышления её представителей.

Релятивизм (от лат. *relativus* относительный) утверждает относительность, условность, ситуативность научного знания. Релятивисты обычно отказываются от каких-либо общих теоретических дефиниций знания. Наука характеризуется ими не через особенности знания, а через социальные черты научной деятельности (профессиональная деятельность, требующая высокой квалификации, овладение «образцами», «парадигмами») или даже через социально-психологические черты ученого, человека науки (страстная увлеченность, особая научная честность, предполагающая проверку и перепроверку всего и вся, максимальная самокритичность). Структурные характеристики научного знания и тем более его содержание определяются ситуацией, в которой это знание осуществляется. Это значит, что они могут быть объяснены исходя из культурно-исторических условий развития науки, из состояния дел в научном коллективе, который это знание добывает и прилагает, из особенностей психики ученых. Иными словами, ситуация, определяющая структуру и содержание знания, может быть

задана как историческим периодом развития «мировой» науки, так и национальной научной школой или даже коллективом ученых, работающих в весьма конкретных условиях.

В философии естественных наук релятивизм нашел свою гносеологическую опору в ныне широко известной концепции несоизмеримости. Авторы этой концепции – Н. Р. Хансон (это он ввел в оборот термин «переключение гештальта» и сформулировал представление о сменах теоретических взглядов на мир как о переключениях гештальта), а также Т. Кун и П. Фейерабенд. Рассматривая суть тезиса о несоизмеримости, Я. Хакинг выделяет три вида несоизмеримости в научном познании: несоизмеримость проблем, разобщение, несоизмеримость значений терминов. Несοизмеримость проблем (тем) означает, что каждая последующая фундаментальная теория, претендуя на описание и объяснение тех же фактов, что и предыдущая, может на самом деле исследовать другие задачи, использовать новые понятия и иметь приложения отличные от предшествующей. Тот способ, которым она распознает и классифицирует явления, может не соответствовать старому подходу. Разобщение состоит в том, что долгое время и существенные сдвиги в теории могут сделать более ранние работы непонятными более поздней научной аудитории. Следует при этом отметить одно существенное обстоятельство. Старая теория может быть забыта, но все же понятна современному ученому, желающему потратить время на то, чтобы изучить ее.

В случае с разобщением речь идет о том, что более ранняя теория может быть совершенно непонятна современному читателю, поскольку в ней используются способы рассуждения, совершенно отличные от нашего. Третий тип несоизмеримости – это несоизмеримость значений терминов теорий. Известно, что смысл терминов теории задается теоретическими предложениями. Смысл индивидуальных терминов задается их положением в структуре теории как целого. В связи с этим при смене теорий смысл одних и тех же (по имени) терминов может меняться самым радикальным образом. Многие – и отечественные, и зарубежные – исследователи полагают, что, оставаясь внутри самого познавательного процесса, разорвать порочный круг, создаваемый «внутренней глобальностью» фундаментальных научных теорий, невозможно, в силу чего релятивизм неизбежен. Они полагают, что преодоление релятивизма возможно лишь в процессе выхода за пределы познания, в сферу материально-практической деятельности людей, в область технологических применений теории. Короче – в сферу практики. В принципе в таком решении проблемы нет ничего неверного. Однако простая ссылка на практику, без анализа этого критерия, без попытки выявить, что такое практика, какова структура этого критерия – есть фактически ссылка на все образующее время. Она обрекает методологию на пассивность. Ее основной мотив: пусть все идет как идет в науке, время в конце концов все расставит по своим местам. Попытки преодоления такой пассивной позиции связаны с фиксацией некоего мета-критерия.

Таким сверхкритерием, действующим на «длительном пробеге» теорий, выступает в рассматриваемых концепциях либо увеличивающееся правдоподобие (*verisimilitude*) теорий (У. Ньютон-Смит), либо их прагматический успех (М. Хессе), либо способность теорий решать проблемы (Л. Лаудан). Оценки в научном познании могут быть субъективными и парадигмально зависимыми, но все это не ведет к релятивизму, рассуждают сторонники рассматриваемой точки зрения, если существует мета-критерий, в свете которого получают свою оценку применяемые при оценке той или иной теории или парадигмы методологические принципы и критерии научности. Предполагается, что экспериментальная подтверждаемость теорий, так же как их неослабевающая способность решать проблемы, служит знаком того, что применяемый в рамках той или иной парадигмы метод отбора и сравнения теорий является правильным.

Изоморфизм как учение о мышлении

В **изоморфизме** как философской теории проведен анализ соотношения типов равенства. Отсюда проистекает его методологическое значение как средства обоснования правомерности переноса знаний, полученных при изучении одной изоморфной системы, на другую. В отличие от изоморфизма, гомоморфизм, не будучи симметричным отношением, обосновывает перенос знаний лишь с гомоморфного образа на прообраз, но не наоборот (любые знания, извлекаемые, например, из верной географической карты, переносимы на соответствующую местность, но не всё, что имеется на местности, отображается на карте). Понятия изоморфизм и гомоморфизм (всякий изоморфизм есть гомоморфизм, но не наоборот) используются для характеристики понятия модели и метода моделирования, а также гносеологических категорий образа (если он фиксирован средствами каких-либо знаковых систем).

Теоретически и экспериментально обосновано (А. В. Брушлинский, 1970, 1996; Б. Ф. Ломов, 1996), что изоморфизм не характеризует специфических отношений между психическим образом и отражаемым в нем предметом, между познанием и объектом. Обобщенно это означает, что истина есть адекватность (но не соответствие) познания объективной действительности [13]. Идеальное, вообще психическое, нельзя рассматривать как «удвоение» отражаемого, как его зеркальное отображение. Люди (и животные) с их психикой находятся внутри бытия, а не вне его. Например, все живое, обладающее психикой, не создает иной, «второй» мир по отношению к физическому окружению, ко всей неживой природе.

Единство мира – одного, единого! – очень последовательно и систематически раскрывает С. Л. Рубинштейн. Главное в его выводах: существует единый мир; «таково само бытие в его становлении и разрушении, включающее человека как сущее, осознающее мир и самого себя и потому способное изменить бытие, бесконечно выйти за его пределы. Таков человек как часть бытия, как единичное существо, сохраняющее свою единичность и поднимающее до всеобщности» [13, с. 112–113].

Трансценденталистское понимание мышления

В контексте **трансценденталистской философии** понимание мышления вырабатывается через анализ его соотношения с понятием «рефлексия». Рефлексия трактуется как отстраненное наблюдение за когнитивными процессами и работой сознания, как внеситуативная аналитика сознания, как раскрывающая в безличном описании объективно идеальную, надличностную структуру истинного знания и безличностные процедуры познания. Рефлексия понимается как мышление о мышлении. Рефлексия – это теоретическая деятельность, направленная на осмысление своих собственных действий и их законов.

Ф. Бэкон, например, собирая систему дихотомических делений, говорит о склонных к дискурсивности или же к единству; к почитанию древности или любви к новому. Он выделяет людей мыслящих твердо и возвышенно или остро и подвижно. А также отмечает тех немногих, кто способен соблюсти меру, что определяет подлинного ученого.

Неустранимая трансцендентность рассматривается как обусловленность личности характером ее обращенности к предельным началам и смыслам. Трансцендентность, в свою очередь, аксиоматически устанавливает приоритет познавательной способности среди критериев личности.

Разработка такого подхода ярко представлена в учение Гегеля о «субъективном духе» как психологически-личностной форме абсолютной идеи. Психология здесь является продолжением антропологии и феноменологии и фундаментом культурологии. И все они есть ступени

движения человека к себе и к абсолютной идеи через пространства телесности, душевности, духовности и идеи.

Суть антропологического развития – «снижение и сниженность... телесности до некоего знака, до изображения души» [4, Ш, С.41]; явление «Я». Суть феноменологии – опыт «бытия-как-сознания», жизни души в сознании; самосознания «Я». Суть психологии – дологическое, практическое существование духа в виде действительной (т. е. полностью свободной от телесности и субъективности) души; реализованность «Я». Внутренний мир человека – не психофизическая реальность, а становление субъективности, развертывание духовного творчества, а значит, подпространство культуры.

Предметно-ориентированное мышление как бы раздвинуло свои горизонты, ко всей совокупности исследуемых областей добавив ещё одну область – самое себя. В результате в философии стали анализироваться основания и предпосылки знания, явное и неявное в работе сознания и мышления. Рефлексия выполняет функцию осмысления и осознания практики. Рефлексивный анализ, ведущий к прояснению идеальных значений, является основой осмысления и конструирования идеальных объектов.

Наиболее глубокое понимание трансцендентности содержится у С. Л. Рубинштейна, указывающего, что существуют два основных способа существования человека и, соответственно, два отношения его к жизни. Первый – жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек. Второй связан с появлением рефлексии, которая как бы приостанавливает, прерывает процесс жизни и выводит человека мысленно за её пределы. Человек как бы занимает позицию вне её. Здесь начинается либо путь к душевной опустошенности, либо другой путь – к построению нравственной человеческой жизни на новой сознательной основе. Рефлексивность, таким образом, можно рассматривать, как способность связывать сознание и мышление. Успешное решение задач предполагает рефлексивный план, который опосредствует предметно-операционный план» и «выражается в форме фиксации различных моментов содержательного движения их рефлексивного осмысления путем оценок и самооценок, и, наконец, регулирования с помощью установок на изменение последующего движения.

Рефлексивный компонент профессионального мышления определяет развитие профессионального прогнозирования, профессионального самоанализа и других профессионально значимых качеств. Анализ проблемы формирования рефлексивных процессов в рамках профессионального обучения предполагает раскрытие контекста, в котором она формируется, то есть рассмотрения этапов становления профессионала, уровней социально-психологической адаптации, динамики профессиональной деятельности и кризисов карьеры.

Мышление в философской герменевтике

В рамках **философской герменевтики** основная задача исследователя, изучающего какой-либо художественный или философский текст или даже человеческую личность, заключается, с точки зрения представителей герменевтики, в понимании внутреннего мира личности или автора текста, которое осуществимо только через «вживание, вчувствование» в смысл текста, осознание своих переживаний и построения на этой основе новых смыслов. Такой метод предполагал обращение к механизмам процесса понимания, рефлексивным по своей природе. Философская герменевтика легла в основу «понимающей психологии», и позднее ее принципы стали распространенными в гуманистической и личностно-ориентированной психотерапии и консультировании.

Герменевтика – теория и практика истолкования текстов, основы которой заложены Ф. Шлейермахером, концептуализировавшим герменевтику в качестве универсальной теории понимания. Существенный вклад в развитие герменевтики внес В. Дильтей [6], разработавший

герменевтику как методологическое основание гуманитарных наук. «Понимание» в философской герменевтике Г. Г. Гадамера [3] выступает не как свойство познавательной активности человека, а как способ его бытия; тот, «кто понимает», изначально вовлечен внутрь того, «что понимается». Как выяснил Г. Г. Гадамер, чтобы нечто понять, его нужно истолковать, но чтобы его истолковать, нужно уже обладать его пониманием – тем, что Г. Г. Гадамер называет «пред-пониманием» (*Vorverständnis*) [3]. Как замечает Поль Рикёр, «герменевтика выступает пониманием самого себя через понимание другого» [11, С. 25].

Основные теоретические положения экзистенциальной герменевтики сформулировал М. Хайдеггер. Он считал, что первоначальный язык (праязык) – это язык поэтический, оформляющий особое мышление. Хайдеггер пытался показать, что стихотворение и есть та сфера, где пребывает мышление, а высказывание – это сама форма поэтического творчества, и в этом отношении высказывание есть показывание, а в процессе говорения люди становятся на путь движения к сущности языка, к языку как таковому.

За актом говорения скрываются реальные или имитируемые внутренние психологические состояния говорящих, с помощью которых совершается воздействие на собеседника по следующей схеме: в процессе речевого общения говорящий «показывает» с помощью принятых в данной культуре речевых форм реальное или имитируемое внутреннее психологическое состояние с целью вызвать в собеседнике аналогичное состояние; таким образом реально совершается ретрансляция внутреннего состояния от одного человека к другому, в результате чего возникает психологическая основа для речевого воздействия одного человека на другого. Содержание речевого воздействия определяется условиями конкретной ситуации общения.

Предмет исследования герменевтики составляют многозначные, точнее многосмысловые высказывания, в структуре значения которых один смысл, прямой, первичный, буквальный, означает одновременно и другой смысл, косвенный, вторичный, обусловленный речевым контекстом и ситуацией общения, который может быть понят, в свою очередь, лишь через первый и только путем учета условий речевого общения.

Понимание мышления в русле экзистенциализма

Говоря о подходах к исследованию мышления, трудно не отметить вклад сторонников **немецкого экзистенциализма** (К. Ясперс, М. Хайдеггер, К. Барт, Э. Бруннер, Р. Бульманн, Р. Нибур, П. Тиллих). Расходясь с традицией позитивизма, трактующего опосредование как основной принцип мышления, экзистенциализм стремится постигнуть *бытие* как некую нерасчлененную целостность субъекта и объекта. Бытие толкуется как непосредственно данное человеческое существование, как экзистенция. В моменты глубочайших потрясений, в «пограничной ситуации» (К. Ясперс) человек прозревает экзистенцию как корень своего существа, бытия.

Истинные ложные восприятия бывают достоверными (К. Ясперс). Однако подлинное бытие – *трансценденция* – является не предметным, а личностным, потому истинное отношение к бытию – это диалог. А бытие, по М. Буберу, не «Оно», а «Ты».

Выделив в качестве изначального и подлинного бытия само переживание, экзистенциализм понимает его как переживание субъектом своего «бытия-в-мире». Именно в таком аспекте рассматривается и мышление. Так, М. Хайдеггер заявляет, что «подлинное» мышление не основано ни на каких ментальных репрезентациях. Подлинное мышление находится в ситуации «здесь и теперь», у него нет времени, оно постоянно находится в настоящем. Для реализации истинного, а не «калькулирующего» мышления необходимо, по Хайдеггеру, отказаться от репрезентации и соприкоснуться с «бытием». Это соприкосновение происходит в «Событии», где «бытие» «показывает себя в своей нескрытости» благодаря тому, что человек сам проявляет «своё бытие». Только в «Со-бытии» возможно подлинное мышление, подлин-

ное осмысление. Описанная позиция созвучна размышлениям М. Вертгеймера: как отличить разумное мышление от бессмысленных комбинаций [2, С. 37]. Также и о мышлении специалиста можно судить только в контексте его практических действий, с помощью которых он, по мере необходимости, проверяет правоту и правомерность своих профессиональных решений, помыслов, замыслов.

По мнению М. Хайдеггера, за нашим привычным представлением о собственной надситуативности стоит глубокая погруженность в мир, ситуацию, которая одновременно является и самой очевидной для нашего практического разума и самой скрытой от нашего абстрактного мышления вещью (1993).

М. Хайдеггер, глубоко анализируя проблему понимания в обыденном сознании, отмечает, что человек всегда есть «бытие-в-мире», «здесь-бытие», он «открыт миру, настроен на мир», захвачен им. Понятие о тех или иных вещах или событиях, по его мнению, не начинается с того, что мы мыслим о них, а дается нам вместе с ними, с их употреблением, с участием в происходящих событиях, поэтому такого рода знание имеет место до всякой науки только потому, что мы уже умеем обращаться с вещами и ситуациями. До того как мышление становится специфической формой познания, оно имеет форму, слияния с самой практической деятельностью, где «не человек мыслит, а мышление захватывает человека», так что он знает мир уже до всякого размышления о нем. Человек не может сначала оказаться в ситуации и лишь потом понимать её, но, уже имея первичное «пред-понимание» ситуации, он способен расширить границы своего знания. Таким образом, только прочно укорененный в бытии индивид обладает действительным познанием.

Рассматривая с этой точки зрения теоретическое и практическое мышление, М. Хайдеггер приходит к выводу, что практическое мышление, взаимодействующее с реальными объектами и основанное на презентации, является подлинным мышлением. Его специфику он выражает следующим набором характеристик:

- Вы неизбежно должны действовать, и любое ваше действие оказывает влияние на ситуацию.
- Вы не можете отвлечься и обдумать свои действия.
- Последствия Ваших действий не могут быть предсказаны полностью.
- У Вас не может быть устойчивой репрезентации ситуации.

Основной заботой, тревожащей П. Тиллиха, была проблема утраты смыслов (Meaninglessness). Именно с этой проблемой, на наш взгляд, связана тенденция падения интереса к своей профессии у некоторой категории специалистов, а отсюда свёртывание основных компонентов профессионального мышления и развитие синдрома «профессиональной деформации личности специалиста». Отрицательную роль при этом играют не только мощные предвзятые мотивационные тенденции, но и низкие интеллектуально-познавательные возможности специалиста.

Таким образом, проведенный анализ основных философских теорий позволяет сделать два принципиальных, на наш взгляд, **вывода**:

1. Мышление включено в процесс взаимодействия человека с объективным миром и служит для его адекватного осуществления; а сам процесс познания, мышления и есть процесс непрерывного взаимодействия познающего, мыслящего субъекта с *познаваемым и преобразуемым* объектом/субъектом, с объективным содержанием решаемой задачи (с которой непосредственно сталкивается профессионал в каждой отдельной ситуации). Создавая условия, необходимые для позитивных изменений в мышлении и действии обучающегося, наставник и сам преобразуется. Преобразование позволяет по-новому взглянуть на возможности решения встающих в контексте профессиональной деятельности проблем или задач.

2. С идеей *трансцендирования*, «выхода за пределы» исходного уровня преобразования конкретной ситуации связаны разработанные нами теоретические предпосылки выделе-

ния надситуативной проблемности в решаемой профессиональной ситуации. Распространенной формой «выхода за пределы» в любом продуктивном мыслительном процессе выступает установление новых связей и формирование обобщений, которые позволяют создать более совершенный способ действия. В результате продуктивный процесс становится многомерным, гибким. Совокупность различного рода профессиональных задач образует иерархически организованную систему. В нее включены, прежде всего, наиболее общие задачи, определяющие стратегию деятельности специалиста и соподчиненные с ними конструктивные задачи, связанные с реализацией стратегии деятельности специалиста. Все эти задачи, имеющие разный уровень обобщенности, относятся к некоторому надситуативному уровню – в том смысле, что задачи эти решаются не в какой-то отдельно взятой ситуации, а на протяжении порой длительного этапа выполняемой работы. В зависимости от способа распознавания профессиональной ситуации мы выделяем два уровня обнаружения проблемности в решаемой профессиональной проблемной ситуации: ситуативный и надситуативный. Первый уровень характеризуется установлением ситуативной проблемности в решаемой профессиональной ситуации. Реализация решения на данном уровне создает необходимые предпосылки для реконструкции профессионалом выполняемой профессиональной деятельности.

В результате реализации ситуативного уровня обнаружения проблемности профессионалом принимаются решения, ориентированные на сиюминутную тактику и выгоду, а не на смысл профессиональной деятельности, ее цель и общественное предназначение. Действия специалиста по разрешению профессиональной проблемной ситуации ориентированы на ближнюю перспективу. В этом случае зачастую нет учета влияния данной конкретной ситуации на производственный процесс в целом. Специалисту представляется важным устранить помехи только сейчас, а что будет потом – не столь важно. Сталкиваясь с проблемной ситуацией, он стремится найти подобную же ситуацию в прошлом опыте. Кажущееся сходство приводит к реализации решений, уже не адекватных данной ситуации. На этом уровне профессионал не видит связи между своими поступками и их последствиями. Он, анализируя свою деятельность, приходит к определенным принципам и правилам ее осуществления, которые ему уже трудно сменить. Такой специалист не способен к преодолению стереотипов в своей деятельности. Профессионал, находясь в подобных условиях, осознанно или неосознанно испытывает напряженное отношение к профессиональной проблемной ситуации. В процессе реализации данного уровня становится более затрудненным личностное развитие специалиста.

Ситуативный уровень решения профессиональной проблемной ситуации является эффективным, когда деятельность специалиста связана с организацией деятельности коллег, ее стимулированием и контролем. В этом случае профессионалу легче увидеть и осознать несоответствие между поставленными задачами и получаемыми результатами. Такой уровень эффективен в случае дефицита времени, и если профессионал адекватно переносит решение проблемной ситуации из прошлого опыта в новую ситуацию, то проблема разрешается.

Уровень надситуативной проблемности характеризуется осознанием специалистом необходимости изменения, совершенствования некоторых особенностей своей личности. Проблемные ситуации, возникающие в ходе практической деятельности специалиста, заставляют его «подняться» на уровень, с которого он мог бы проанализировать самого себя не только в роли исполнителя, но и в роли человека, который программирует исполнительскую деятельность коллег или подчиненных. Такое состояние субъекта выражается в поиске средств целенаправленного формирования своих профессионально-значимых и личностных качеств.

Умение устанавливать надситуативную проблемность в процессе решения профессиональных проблемных ситуаций способствует не только активации мыслительной деятельности специалиста, но и оказывает большое влияние на личностное развитие профессионала, поскольку затрагивает, прежде всего, его эмоциональную сферу и его самосознание. А это, в

свою очередь, неизбежно ведет к формированию личностных позиций, убеждений, помогая тем самым специалисту совершенствовать свою деятельность.

3. Ключевой компетентностью профессионала, на наш взгляд, является умение обнаруживать надситуативную проблемность в решаемых производственных задачах и формулировать в своей профессиональной деятельности запредельные цели, т. е. цели, находящиеся за пределами решаемой ситуации. Цель, заключенная за рамками ситуации, не так четко очерчена. В процессе разрешения ситуации цель постепенно принимает определенные очертания. Сначала, когда цель расплывчата, у профессионала отсутствует четкое представление о том, что он ищет, какой выход из ситуации будет для него наиболее приемлемым. Если он продолжает поиск оптимального профессионального решения, настанет момент, когда он начинает понимать, что и как он хочет сделать в данной ситуации. Тогда для него становится очевидной необходимость выбора именно тех средств, которые нужны ему для достижения намеченной цели.

Литература

1. Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977.
2. Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М.: Прогресс, 1987.
3. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
4. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. В 3-х т. М., 1975–1977.
5. Декарт Р. Избранные произведения. Т. 1. М., 1989.
6. Дильтей В. Описательная психология. М., 2001.
7. Дункер К. Подходы к исследованию продуктивного мышления // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М.: МГУ, 1981. С. 35–47.
8. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. М.: Совершенство, 1997.
9. Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
10. Кашапов М. М. Психология профессионального мышления. Монография. СПб.: Алетейя, 2000.
11. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.
12. Ришар Ж. Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений / Сокр. пер. с фр. И.: ИП РАН, 1998.
13. Роговин М. С. Современная когнитивная психология и проблема мышления // Мышление: процесс, деятельность, общение / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Наука, 1982. С. 213–283.
14. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1997.
15. Секей Л. Продуктивные процессы в мышлении и обучении // Психология мышления. М., 1965.
16. Торндайк Э. Л. Принципы обучения, основанные на психологии. М., 1935.
17. Торндайк Э. Л. Процесс учения у человека. М., 1935.
18. Уотсон Д. Психология как наука о поведении. М.: «АСТ-ЛТД», 1998.
19. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999.
20. Фихте И. Г. Сочинения. Т.2. СПб. 1993.

Часть II. Методологические основы исследования творческого мышления профессионала

Психические процессы, будучи продуктом взаимодействия индивида с внешней средой, сами являются активным причинным фактором (детерминантой) поведения. Вследствие столь тесной взаимосвязи поведения и психики в современной психологии получило признание субъектное понимание предмета психологии творческого мышления профессионала. Исследования, проведенные под руководством В. Д. Шадрикова, показывают, что определение психических феноменов должно осуществляться в трех измерениях: индивида, субъекта деятельности и личности. Важнейшим моментом развития субъекта (от индивида к личности) является приспособление к условиям деятельности. Источником психического развития являются противоречия между желаемым и должным.

Следует отметить важнейшие заключения, вытекающие из принципа развития психики: а) развитием психики можно управлять; управление психикой осуществляется в процессе обучения и воспитания в учебной, трудовой, игровой видах деятельности; б) развитием психики управляет и сам человек, в этом проявляется саморегулирующая функция его сознания; в) наибольший эффект в развитии психики достигается тогда, когда управление этим процессом извне соединяется с его саморегуляцией.

В контексте изложенного представляется ценным рассмотрение методологических основ исследования мышления, поскольку перспективность данного подхода определяется исследованием не как самоцелью, а основой формирования творческого мышления профессионала. Формирование творческого мышления, по мнению Ю. Н. Кулюткина, находит своё выражение не просто в чисто когнитивных свойствах ума, а интеллектуально-личностных качествах человека, образующих своеобразное диалектическое единство [25].

Рассматривать специфику профессионального творческого мышления невозможно в отрыве от психологических тех теорий мышления, в которых творческое мышление понимается как мышление направленное на выход за пределы (поставленной) решаемой конкретной задачи. Знание основных методологических положений классических психологических школ позволяет провести глубокий теоретический анализ результатов современных исследований.

Ассоциативная психология

В качестве структурной единицы мышления представители **ассоциативной психологии** (Э. Мах, Дж. С. Милль, А. Бэн, Э. Дарвин, Г. Спенсер, Т. Рибо, У. Джемс) выделяют **ассоциацию**. Они рассматривали мышление как комбинацию, сочетание представлений, образов памяти. Согласно данной теории существовало мнение, что экспериментально изучать мышление нельзя, поскольку оно не является особым процессом. Исследовать его можно только по продуктам мыслительной деятельности (В. Вундт, Г. Эббингауз). Понятие отождествлялось с представлением и трактовалось как ассоциативно связанная волей совокупность признаков (В. Вундт). Суждение – как ассоциация представлений (так считали многие ассоцианисты, кроме Ф. Бретано). Умозаключение – как ассоциация двух суждений, служащих его посылками, с третьим, которое выводится из него как вывод (Д. Юм).

В целом же ассоцианисты сводили содержание мысли к чувственным элементам ощущений, а закономерности протекания мышления – к ассоциативным законам (по *смежности* в пространстве и времени, по *сходству*, по *контрасту*). В разработанной ими модели умственной деятельности ассоциация исследовалась как механизм, обеспечивающий переход от одного состояния сознания к другому. В контексте данной модели А. Бэна предложил более функци-

ональный подход: мышление рассматривается как направленный процесс (выведение заключения, приобретение знания и т.д.), что требует дополнительных уточнений модели (для этого используются гипотезы *ad hoc*). Рассмотрение мышления как функции позволяет Г. Эббингаузу выделить особенности познания, лежащего в основе целенаправленных действий человека [43].

Ассоциативные тенденции уравниваются тенденцией к персеверации, что позволяет построить модель, объясняющую функционирование мышления. Персеверация, по мнению Г. Э. Мюллера, выражается в тенденции представлений удерживаться, каждый раз вновь проникая в течение наших ассоциаций. Разработанная им теория комплексов представляется перспективной для объяснения направленного характера мышления. Выделение новых признаков в познаваемой ситуации вынуждает искать новые действия, необходимые для её решения.

Д. Юм выдвинул идею о том, что мысль рождается из скепсиса, подчеркивая тем самым необходимость отделения себя от предмета мышления. Ценность данной идеи состоит в том, что критическая позиция всегда характерна для развитого рефлексивного процесса, позволяющего изучать и изменять субъективное содержание мышления субъекта.

В начале XX века, с возникновением экспериментальной психологии, активизировалась критика ассоцианизма. Одним из пунктов этой критики был вопрос о психологической природе возникновения таких идей, которых ещё не было в личном опыте человека и которые, следовательно, невозможно объяснить с помощью принципа ассоциации. Так, М. Вертгеймер, критикуя ассоцианистский подход отмечает, что если решение задачи «... достигается в результате простого припоминания, механистического повторения, что было заучено ранее, благодаря случайному открытию в серии слепых проб, то я бы не решился назвать такой процесс разумным мышлением» [6, С. 269]. Ассоциативная психология сконструировала мыслительный процесс как ассоциацию образов и представлений, а в остальном, она довольствовалась логическим описанием процесса.

Вюрцбургская психологическая школа

В Вюрцбургской психологической школе мышления (О. Кюльпе, О. Зельц, Н. Ах, К. Марбе, Г. Майер, А. Мессер, К. Бюлер, Г. Ватт, Э. Кёстер, Г. Э. Мюллер) под единицей мышления понималось *действие*. В качестве мышления рассматривалось практическое действие, направленное на решение задач, проблем. Применение самонаблюдения как метода экспериментального исследования элементов мышления позволило выделить следующие отличия мышления: целостность, активность, направленность, отсутствие связи с наглядными элементами (безобразность). Сохранили непреходящую ценность следующие достижения этой школы: 1. Обосновано положение о предметной направленности мысли и исследована роль предмета в мыслительном процессе. 2. Мышление впервые стало изучаться экспериментально. Оно понималось как решение задачи, которая возникает в тех случаях, когда инструкция экспериментатора превращается в самоинструкцию испытуемого (Г. Ватт). Именно в этом проявляется избирательность мыслительного процесса. 3. Экспериментально показана уровневая характеристика мышления: а) уровни осознания мыслей (А. Мессер); б) уровни мышления и речи (К. Бюлер). 4. Каждая ассоциация определяется не предшествующей ассоциацией, а направляется задачей – явление, получившее название детерминирующей тенденции. 5. Установка как результат принятия задачи представляет собой интеллектуальную ситуацию – неопределенное, трудно анализируемое состояние сознания, включающее отношения между элементами задачи. О. Зельцем введено такое важное понятие как «проблемность». Абстрактность, целостность, сложновербализуемость возникающей интеллектуальной ситуации характеризует исходное представление об исследуемом объекте (Н. Ах).

В дальнейшем Н. Ах сформулировал основу тезиса исследования мышления как действия. Он показал, что психологические закономерности действия и мышления, по существу, одни и те же. Как при действии, так и при операциях мышления требуется осуществление определенных целей, поэтому психические процессы разворачиваются от постановки цели до её достижения.

Кроме того, заслугой данной школы является введение и конкретизация понятия «задача». Так, Н. Ах предложил понимание «задачи» как «детерминирующей тенденции», а также и как «представление цели». Детерминирующая тенденция определяет всё течение содержания сознания в соответствии с задачей или интеллектуальной ситуацией, которая переходит в состояние личности. Полученные им данные способствовали рассмотрению мышления в виде продуктивного процесса, характеризующегося актуализацией интеллектуальных операций.

Понимание мышления обогатилось конкретными характеристиками. Например, О. Зельц, развивая идею Г. Э. Мюллера о направленном характере мышления, доказал, что это возможно лишь благодаря дополнению иерархических категориальных структур представлениями более высокого уровня или конstellляциями, принимающими решения о торможении или активации конкретных ассоциативных связей.

Предвосхищение в мыслительном процессе, начиная с О. Зельца, носит название антиципации. Он использует это понятие для обозначения специфики предвосхищения неизвестного в процессе решения проблемных задач. Им введено понятие «проблемного комплекса», в котором выделяются отношения между характеристиками известного и искомого. Получая косвенное определение через отношение к известному, неизвестное, «дыра» в проблемном комплексе постепенно «обрастает» свойствами, приводя к решению.

О. Зельц утверждал, что в мышлении имеют место как продуктивные, так и репродуктивные моменты. С его точки зрения, сущность творческого мышления состоит в умении выделять новые связи, используя комбинации уже известных операций. Им было показано, что решение задачи зависит от успешности построения структурных представлений на материале введенных условий, и сам мыслительный процесс трактовался как построение, использование и перестройка структур.

Развивая свои представления о самом процессе решения задачи, О. Зельц противопоставил процесс репродуктивного решения задач продуктивным процессам. Он наибольшее значение придает самой первой фазе – образованию «общей задачи», которая формируется в результате обработки исходного материала. Главным ее звеном он видел выделение «предметных отношений» между элементами. Результатом такого выделения О. Зельц полагал образование проблемного комплекса, в котором выделены характеристики известного; определено место неизвестного; выделены отношения между данным и искомым. Суть проблемности он видел в незавершенности этого комплекса.

Его подход можно назвать деятельностным, так как он большое внимание уделяет процессам целеполагания (осознание цели деятельности) и анализу отношения между целью и средствами. В качестве основного средства мыслительного творчества он выделяет такую мыслительную операцию как абстракция средств. При этом О. Зельц считал, что в открытиях очень велико значение случая. Очень многие новые идеи возникали в деятельности сначала непреднамеренно, а затем уже благодаря абстракции и актуализации средств начинали использоваться намеренно.

Э. Кёстер регистрировал ходы и речемыслительную информацию. На основе исследования качественно своеобразных фаз антиципации он выделил следующие определяющие стратегии: 1. Фаза «апробации». 2. Частичные локальные стратегии. 3. Взаимодействие локальных и глобальных стратегий. 4. Реализация найденного принципа.

Перспективным представляется переход от структурной схемы описания мышления к процессуальной. Выделение специфики мышления как процесса решения задач, а также акцентирование роли вопроса при исследовании мышления привели к постановке проблемы решения «мыслительных задач». Данная проблема решалась посредством конструирования тестов измерения интеллекта (метод «застыжения врасплох», метода переживаний, метод перерыва, парциальный метод, метод замедленной работы).

К сожалению, понимание мышления в русле этого направления научного познания было внешне противопоставлено всему чувственному содержанию действительности (чистая мысль соотносится с идеальными объектами), т. е. происходит отрыв мышления от чувственных образов. Кроме того, мышление, как особый психический процесс, оказалось оторванным от языка и от практической деятельности.

Гештальт-психологическая теория мышления

Как оппозиция ассоциативной психологии мышления сформировалась **гештальт-психологическая трактовка мышления**. М. Вертгеймер, В. Кёлер, К. Коффка, К. Левин, К. Дункер и другие выдвинули в качестве основного принципа восприятия (а затем и других психических процессов) принцип целостности, противопоставив его ассоциативному принципу элементов. Они исходили из положения, что все процессы в природе изначально целостны. Благодаря работам К. Левина становится общепризнанным представление о том, что «поведение определяет ситуацию, как она дана субъекту в его переживаниях, как она существует для него».

Гештальт-психологи рассматривали *гештальт* как единицу мышления. Согласно гештальт-психологии мышление совершается в замкнутой сфере сознания. В итоге мышление сводилось к движению мыслей в замкнутых структурах сознания. Они предложили метод, на их взгляд, резко отличный от интроспекции вюрцбургцев – феноменологический.

Так, К. Дункер во многом соглашаясь с О. Зельцем, отмечает и недостатки его концепции [14]. Он обращает внимание на то, что для абстрагирования каких-то средств, необходимо уже иметь общее понимание анализируемой проблемной ситуации и значения этих средств для ситуации. Этот процесс понимания О. Зельц не объяснял, а именно процесс понимания, с точки зрения К. Дункера, является ключевым в объяснении нового творческого решения. К. Дункер пишет, что прежде всего проблемная ситуация должна быть «...постигнута субъектом, то есть быть воспринята как целое, заключающее в себе определенный конфликт» [14, С.44].

Проникновение в суть проблемной ситуации и схватывание её противоречий завершается, согласно К. Дункеру, принятием функционального решения, в котором содержатся существенные черты требуемого подхода к задаче. Последняя стадия творческого процесса – это процесс реализации функционального решения, то есть выбор того, что нужно для решения. К. Дункер выяснил, каким образом его студенты решают определённые задачи. Одна из таких задач состояла в том, чтобы найти способ разрушить у больного опухоль желудка путём достаточно интенсивного облучения, не разрушая при этом окружающие здоровые ткани. К. Дункер обратил внимание на то, что большая часть студентов не могла при решении этой задачи «оторваться» от уже имеющихся у них знаний и предлагала всё новые и новые решения «хирургического» типа (вывести участок желудка с опухолью наружу, усыпить больного, использовать свинцовую пластинку и т. п.); все эти варианты, однако, не решали проблему повреждения здоровых тканей.

Для того чтобы решить подобную задачу, человек должен обладать способностью устанавливать связи между этой задачей и элементами своего прошлого опыта, на первый взгляд не имеющими с ней ничего общего (например, он мог бы вспомнить, как в детстве поджигал кусо-

чек бумаги с помощью солнечного луча, сфокусированного лупой). Одно из «умных» решений приведённой выше задачи заключалось в том, чтобы сконцентрировать на опухоли лучи слабой интенсивности так, чтобы спереди и сзади от опухоли они были для тканей безвредны.

В своих исследованиях К. Дункер [13, 14], анализируя решения проблемной ситуации, определяет, что жестким стереотипным способом действия является «фиксация». Она препятствует решению задачи, мешает выделить неявно воспринимаемые свойства объекта. Под фиксацией (фиксированностью), обусловленной зрительными или функциональными факторами, понимается устойчивая связь объекта с определенной функцией, что затрудняет отыскание данного объекта в ситуации, если для решения требуется другая его функция. В целом, в теории К. Дункера можно выделить две интересные идеи: первая – об обязательной активности мыслящего субъекта; вторая – о необходимости некоторого мета-решения, которое должно быть, с одной стороны, достаточно обобщенным, а с другой – содержать все необходимые, критериальные свойства искомого решения.

Одним из достижений данной школы мышления является введение понятия «структура проблемной ситуации», элементы которой находятся в определенных отношениях между собой. Стимульная ситуация преобразуется в субъективную ситуацию в соответствии со значимостью тех или иных элементов. К. Дункер, развивая идею М. Вертгеймера [6] о процессе решения проблемной ситуации как внезапном переструктурировании исходной ситуации под влиянием некоторого напряжения в поле проблемы, говорит уже о развитии проблемной ситуации, включающей промежуточные фазы, «из которых каждая обладает в отношении к предыдущим фазам характером решения, а в отношении к последующим – характером проблемы» [13, С. 99].

Гештальтпсихологами было предложено понимание мышления как преобразование структуры феноменального поля, перецентрирование ситуации. Сторонники гештальт-психологии полагали, что открытие «нового» не является результатом активной деятельности самого мыслящего субъекта, оно возникает в порядке «инсайта», как результат перецентрирования. Однако они не объясняли сам процесс перехода от незнания к знанию, не раскрывали того, что «инсайт» подготовлен активной деятельностью самого субъекта, его прошлым опытом. Сущность психического развития гештальтисты видели «не как соединение отдельных элементов, но как образование и усовершенствование структуры» (К. Коффка).

С их точки зрения, внутренний мир человека представляет собой иерархию целостных психических форм, воспроизводящих не просто совокупность внешних условий и объектов, а именно целостность ситуаций, образуемых жизнедеятельностью человека. Тогда мышление – это усмотрение (постижение) в отраженных формах реальных тенденций, которые определяются именно целостностью ситуации. Такое усмотрение возможно благодаря способности человека к новой перекombинации, переструктурированию ситуативных факторов, сохраняющей, однако, исходную целостность ситуации.

В работах В. Кёлера, М. Вертгеймера, К. Дункера мышление рассматривается как внезапное, неподготовленное прежним опытом и знаниями «понимание» ситуации. Деятельность мышления заключается, по их мнению, в том, что отдельные части («конфигурация») проблемной ситуации переструктурируются, в результате чего образуется новое «целое», новый «гештальт». Отдельные элементы проблемной ситуации воспринимаются в новых отношениях, в зависимости от нового «гештальта». Само же переструктурирование происходит благодаря внезапному схватыванию – «инсайту».

Представители гештальт-подхода строили теорию внутренней репрезентации в контексте изоморфизма – взаимоднозначного соответствия между репрезентацией и реальностью. Так, М. Вертгеймер считал, что решить задачу – значит *увидеть* «хорошую структуру» в «плохой структуре». Например, для того чтобы найти площадь параллелограмма, нужно в параллелограмме «узнать» прямоугольник. В связи с этим важное значение приобретает умение видеть

существенные элементы в познаваемом явлении. Заслуживает внимания и дальнейшего изучения мысль М. Вертгеймера о том, что в любой ситуации имеются элементы, которые существенными не являются, будучи периферическими, изменчивыми [6, с. 306].

М. Вертгеймер отмечал, что репродукция (воспроизведение неизменных знаний и формальное оперирование ими) порождает затруднения в процессе решения проблемы. Согласно гештальт-психологам, проблема является замкнутым целым, вызывающим в субъекте напряжение и ведущим к реструктурированию ситуации, проблемы. Видение, правильная постановка проблемы часто важнее решения поставленной задачи [6, С. 277]. К. Дункер считает проблему конфликтом между ситуацией и целью. Проблема задана отношением между актуальной ситуацией и целью. Решение проблемы заключается в нахождении правильного ответа (Шульц, 1960), в нахождении объекта, обладающего определенными свойствами. Решение проблемы, по существу, сходно с процессами мышления, т. е. касается более широких соотношений, чем генерализованная готовность З. С. Харлоу. Проблема, по мнению М. Вертгеймера, может быть неразрешимой, пока мы сосредоточены на своих собственных желаниях и потребностях; она становится разрешимой только в том случае если мы, рассматривая своё желание, как часть ситуации, осознаем объективные структурные требования [6, С. 276].

М. Вертгеймер выделил две важные особенности творческого мышления: адаптивность и структурность. Адаптивность означает, что творческие процессы направлены на улучшение ситуации, а структурность – то, что в процессе решения происходит анализ особенностей проблемной ситуации и изменение функциональных значений отдельных элементов ситуации в рамках целостной структуры. Целостность ситуативной структуре придает цель деятельности. Поэтому все элементы ситуации и мыслительные операции по их преобразованию соотносятся с поставленной целью. Кроме того, сама цель нуждается в осмыслении, как часть целого, имеющая своё место как часть более широкого контекста. В структуре этой целостности цель может быть осознана по-иному и переформулирована. Неумение взглянуть на ситуацию с позиций более широкого контекста делает человека негибким и зависимым от первоначально выбранных им целей и средств их достижения.

Также М. Вертгеймер обратил внимание на то, что задания, которые стимулируют творческое мышление, должны быть «нетипичными», необычными для человека. Решающий творческую проблему должен взглянуть на ситуацию по-новому, используя скрытые свойства объектов, непривычные связи, стараясь перенести принципы и способы решения из одной сферы в другую, иногда очень далекую.

Стремясь выделить в мышлении творческий момент, способность мыслящего человека открывать новое, гештальт-психологи противопоставили продуктивное мышление (М. Вертгеймер: что лучше – мыслить или знать?) репродуктивному, основанному на прошлом опыте. Они затратили немало усилий на экспериментальное обоснование тезиса о том, что прошлый опыт является тормозом, препятствующим видению нового (К. Дункер, Н. Майер, Л. Секей и др.).

Как показали исследования, проведенные Л. Секеем, продуктивное, т. е. творческое, мышление протекает в ходе проблемного обучения так же, как в процессе решения человеком каких-либо проблем. Отсюда Л. Секей приходит к выводу о прямой связи между продуктивным мышлением и проблемным обучением [32, С. 367]. Проблемное обучение открывает реальную возможность включить в содержание образования, а именно в учебные предметы, новый компонент содержания – опыт творческой деятельности людей в виде системы проблемных задач и методов их решения.

Гештальтпсихологи показали наличие особого свойства продуктивного мышления, которое заключается в умении отказаться от стереотипного способа действия и выделить новые, необычные свойства и отношения объектов. Для этого субъекту необходим как прошлый

опыт владения способами решения, так и умение преобразовывать их в условиях проблемной задачи.

В работах В. Кёлера, К. Коффки вводится понятие практического мышления, которое рассматривается как включенное в практическую деятельность, но при этом является элементарным и нетворческим. Именно поэтому В. Кёлер назвал обезьяну работником зрительного поля.

Гештальтпсихологи анализировали составляющую творческого мышления – интуитивное понимание. Но их изучение не вышло за рамки определения механизмов интуиции. В большинстве этих работ фактически не учитывались индивидуальные различия в творческих способностях. Креативный процесс они описывают как разрушение существующего гештальта для построения лучшего.

Гештальтпсихология, охватывая исследуемые проблемы достаточно целостно, объясняет творчество, в том числе и в процессе решения профессиональной ситуации, следующим образом: человек создает мысленный образ (Gestalt) объекта/ ситуации, перестраивает его, меняет связи между элементами до тех пор, пока неожиданно не возникает новое решение, удовлетворяющее поставленной цели. Однако ответа на то, как рождается новое решение, не найдено. Концепции мышления, разработанные гештальт-психологами, были умозрительными, так как опирались на материал самонаблюдения и рассуждения испытуемых во время решения.

Своего рода продолжением гештальт-психологии является **гештальт-терапия** (Ф. Перлз, И. Польстер, М. Польстер, Д. Энрайт, Р. Персонс, Д. Рейнуоттер, К. Наранхо и др.), которую можно рассматривать как продуктивный подход к увеличению эффективности профессионального мышления по следующей формуле: *актуальность → осознанность → ответственность*. Человек первоначально познает конкретную ситуацию и проблему в ней. Определяет степень её актуальности на данный момент, а также свое эмоциональное отношение к ней. Далее субъект создает благоприятные условия, под влиянием которых он может адекватно осознать переживаемые им состояния, а затем берет на себя ответственность за происходящие в нем самом процессы (эмоциональные, когнитивные, ценностные и регулятивные). Занимая таким образом авторскую позицию, человек более уверенно разрешает возникающие в его жизни затруднения, что приводит к «закрытию гештальта». Незавершенный гештальт отнимает много жизненной энергии человека.

Если плодотворное исследование операционного содержания мышления – заслуга гештальт-психологов, то личностный компонент мышления описан, на наш взгляд, именно в гештальт-терапии. В русле этой терапии формулируется мудрая мысль: адекватно уверенный в себе оптимист – это тот, кто знает, что он будет делать в случае неудачи, а не тот, кто больше занят мыслями, что он будет делать в случае успеха. Выигрывают первые. Следовательно, позитивное отношение к неудачам как к полезному опыту помогает учителю быть мудрее в процессе решения даже очень сложных профессиональных ситуаций. В целом гештальт-терапевтическое направление указывает на важность сознательного отслеживания и регуляции ритмов контакта индивида со средой.

Психоаналитическая концепция мышления

В рамках **психоаналитической концепции** мышление рассматривается как форма блокады потребностей. В качестве единицы мышления выделяется **защитный механизм**, основное назначение которого – сохранение самооценки. Психологические защиты функционируют как определенный аспект мышления, отражающий связи между «Я» и «Оно» (ось удовольствия-неудовольствия). З. Фрейд считал, что творческий продукт является результатом косвенного выражения сексуальной и агрессивной энергии, которой не дали выразить себя более прямым путем.

З. Фрейд, анализируя такую форму мышления, как отрицание, детально описал генерирование мыслительных операций. Показанный им механизм вскрывает порождение мысли на первичном когнитивном уровне ощущений. В результате психологической защиты, направленной на уменьшение эмоциональной напряженности, происходит искажение восприятия, осмысления и понимания действительности.

Это станет совсем ясно, если мы, вслед за Э. Фроммом, рассмотрим функцию рационализации: «Каким бы неразумным или аморальным ни было действие, человек испытывает неодолимое стремление рационализировать его, то есть доказать себе и другим, что действие определялось разумом, здравым смыслом или по меньшей мере общепринятой моралью. Ему нетрудно поступать иррационально, но для него почти немисливо не придать своему действию видимость разумно мотивированного» [38, С. 68].

Человек, по Э. Фромму, обнаруживает вокруг себя много озадачивающих его явлений и, обладая разумом, должен находить их смысл, включать их в определенный контекст, который он может понять и который даст ему возможность мысленно оперировать им. «Чем развивается его разум, тем более адекватной становится его система ориентации, то есть тем более она приближается к реальности» [38, с. 65]. Потребность в системе ориентации существует на двух уровнях. «Первая и наиболее фундаментальная потребность – иметь какую-то (выделено Э. Ф.) систему ориентации, безотносительно к тому, истинна она или ложна. Без такой субъективно приемлемой системы ориентации человек не может оставаться в здравом рассудке. На втором уровне потребность состоит в том, чтобы посредством разума быть в контакте с реальностью, постигать мир объективно. Однако необходимость развивать разум не так насущна, как потребность иметь какую-то систему ориентации, так как в этом случае на карту поставлено счастье и спокойствие человека, но не его психическое здоровье» [45, с. 67].

Э. Фромм считает, что объективное постижение мира не является для человека самоцелью, поскольку, будучи созданием, он испытывает потребность трансцендировать, превзойти свое положение пассивного создания. Трансценденции реализуются посредством творчества. «В акте творения человек трансцендирует, преодолевает пределы самого себя как создания, поднимаясь над пассивностью и случайностью своего существования к царству целеустремленности и свободы» [38, с. 29]. В потребности человека трансцендировать пределы проявляется разум как способность человека постигать (выделено Э. Ф.) мир мыслью, в противоположность интеллекту, который является способностью человека манипулировать (выделено Э. Ф.) миром посредством мысли [38, с. 66]. Разум, по мнению Э. Фромма, – способность к объективности. Разум стремится к достижению истины, поэтому он должен охватывать весь мир, с которым сталкивается человек. В процессе таких столкновений неизбежно возникают разнообразные проблемные ситуации.

Так, М. Мид отмечает, что в проблемной ситуации, когда психическая регуляция индивидуального поведения совершается автоматически, человек ведет себя в соответствии с запечатленными на подсознательном уровне схемами поведения. Причем, ассоциативное содержание мышления сопровождается эмоциональными переживаниями. Знакомство с такой теорией позволяет объяснить психологические причины «соскальзывания» специалиста, находящегося в условиях трудной профессиональной ситуации, на защитные механизмы как в процессе её анализа, так и её разрешения.

А. Адлер смещает акценты с сексуальной сферы на социальную, а творчество трактовал как специфический способ компенсации комплекса неполноценности. К. Юнг рассматривал стремление к творчеству как часть базовой энергии либидо. В самом же феномене творчества он видел проявление архетипов коллективного бессознательного, пропущенных сквозь призму индивидуального опыта и восприятия творца.

Согласно разработанным Э. Блейлером теоретическим положениям, реалистическое мышление представляет действительность, а аутическое мышление представляет себе

то, что соответствует аффекту. Целью реалистических функций является создание правильного познания окружающего мира, нахождение истины. Аутистические функции стремятся вызвать представления, окрашенные аффектом (в большинстве случаев аффектом удовольствия) и вытеснить представления, окрашенные противоположным аффектом.

Э. Блейлер утверждает, что небольшая степень аутизма должна быть также с пользой принесена в жизнь. То, что относится к аффектам вообще, оказывается действительным также и в отношении к частному применению их механизмов. Определенная односторонность полезна для достижения некоторых целей. Нужно представить себе цель более желанной, чем она есть на самом деле, чтобы повысить своё устремление к ней; не нужно детально представлять себе все трудности и их преодоление, в противном случае человек не сможет приступить к действию до ясного размышления, и энергия его ослабеет. Аутическое мышление, по Э. Блейлеру, и в будущем будет развиваться параллельно с реалистическим и будет в такой же мере содействовать созданию культурных ценностей, как и порождать суеверие, бредовые идеи и психоневротические симптомы.

Учёт и коррекция определенных характеристик аутического мышления в контексте профессиональной деятельности может привести к увеличению «радиуса» профессионального мышления специалиста. Поскольку при реализации психологических защит проблемы не уходят, не разрешаются, а остаются, то в недрах глубинной психологии вводятся понятия «совладание», «совладающее поведение», «коппинг-поведение», которое осуществляется благодаря когнитивному ресурсу личности. Заслугой сторонников данного подхода является расширение познавательной сферы личности. Она включает как рациональные, так и иррациональные детерминанты поведения и мышления.

Психоаналитический подход впервые акцентировал важность проблемы мотивов и значимость бессознательного в мышлении. Творческая активность исследовалась преимущественно на отдельно взятых примерах выдающихся творцов. Данная методология подверглась критике, т. к. для нарождающейся научной психологии ценность представляли контролируемые экспериментальные методы.

Концепция мышления французской психологической школы

В исследованиях **французской школы социальной психологии** тот или иной социальный институт, даже культура в целом рассматривалась как результат предшествовавших актов мышления, обретающих с течением времени коллективный характер (М. Мосс, П. Жане). При этом исследование логического (результата мышления) отходило на второй план по сравнению с изучением психологического (**процесса** мышления). П. Жане отводил логическому весьма незначительную роль, а мышление предлагал понимать как интериоризированный диалог. Под интериоризацией понимался переход от внешней деятельности во внутреннюю через общение.

В 40-х годах XX столетия это направление приобрело более отчетливые материалистические черты в «исторической школе» И. Меерсона и его последователей, поскольку здесь в качестве основы для анализа мышления выступают результаты труда и творчества. М. С. Роговин, отдавая должное представителям этого направления, отмечает, что они сделали важный шаг на пути создания психологии деятельности и действия, перейдя от анализа результата мышления в абстрактно-логической форме к анализу реального его продукта [30, С. 219].

Впервые выдвинутая выдающимися французскими психологами, особенно П. Жане, концепция психических процессов как результата интериоризации внешнего, предметного действия нашла глубокую разработку в отечественной психологии, в частности в трудах А. Н. Леонтьева, П. Я. Гальперина, В. П. Зинченко. Именно с их теоретической позиции экспериментальная психология современности получает возможность трактовать отдельные позна-

вательные процессы (ощущения, восприятия, память) как интериоризацию не всего действия, а его *отдельных* компонентов, а мысль – как интериоризацию всего действия в его целостности, в единстве *всех* его компонентов.

Бихевиористическая концепция мышления

Каким образом профессионал строит именно профессиональное поведение в конкретной ситуации и как он её анализирует? Почему разные специалисты в одних и тех же ситуациях ведут себя по-разному? Ответ на эти вопросы можно найти в работах представителей **бихевиористического подхода**. Термин «бихевиоризм» был введен Д. Уотсоном в 1913 году. Следуя важному теоретическому положению бихевиоризма о единице мышления – *инсайт* (Р. Вудвортс, Б. Ф. Скиннер, Е. Л. Торндайк, Р. М. Йеркс, Дж. Келли, А. Бандура), можно отметить несколько перспективных направлений в исследовании профессионального мышления. Бихевиористы рассматривали инсайт в несколько ином ключе. Они, в отличие от гештальтистов – родоначальников в этой области исследования, отстаивают мысль о непрерывном влиянии на человека его социального окружения. Их теории объясняют, как может модифицироваться поведение человека в зависимости от тех последствий, которые оно вызывает в определенной ситуации.

Мышление, в узком значении слова, если включить в него обучение, есть процесс, протекающий по методу проб и ошибок, вполне аналогично ручной деятельности. Бихевиористы рассматривали инсайт в несколько ином ключе: они отстаивали мысль о непрерывности влияния на человека его социального окружения. Их теории объясняют, как может модифицироваться поведение человека в зависимости от тех последствий, которые оно вызывает в определенной ситуации.

По мнению основоположников бихевиоризма, социальное окружение, социальные роли людей, а также большинство форм социального, в том числе и профессионального, поведения, составляют основу адаптации к окружению. Эти теории объясняют, как может модифицироваться поведение человека в зависимости от тех последствий, которые оно вызывает в определенных ситуациях. В сложном поведении присутствует целая система связей между воздействиями и реакциями. Закономерности мышления Д. Уотсон сводит к закономерностям образования навыка. Мышление не рассматривается как психический процесс: происходит сведение сущности решения задач к набору реакций.

В рамках концепции бихевиоризма Д. Уотсоном была предложена «периферическая теория», согласно которой мышление идентично субвокальному (неслышному) проговариванию звуков громкой речи, а сами эти звуки являются условным сигналом обозначаемых ими объектов. Говоря уотсоновским языком, мышление – это «навык гортани», и его органом служит не мозг, а гортань. «Периферическая теория» мышления Д. Уотсона породила большое количество экспериментальных исследований. Д. Уотсон отождествляет мышление с поведением и фактически лишает его познавательного значения. Он говорит о мышлении как о внутреннем поведении, в отличие от внешнего, которое непосредственно можно наблюдать. Подчеркивая сходство мышления и поведения, он рассматривает мышление как совокупность реакций, вызываемых окружающей средой.

Особый интерес представляют взгляды на процесс мышления последователя оперантного бихевиоризма – Б. Скиннера, который считал, что репертуар профессионального взаимодействия специалиста в значительной мере предопределен предшествующим развитием конкретной ситуации. Реакции профессионала не совсем случайны, так как структура его опыта аккумулируется в его сознании и мышлении. Но модель Б. Скиннера не позволяет понять личность в целом и те константы, которые характеризуют личность данного индивида.

Также Б. Скиннер размышлял о факторах подкрепления, которые можно было бы использовать для улучшения преподавания школьных предметов, и спроектировал серию обучающих машин. Стремление понять природу интеллекта через процесс формирования навыков (когнитивных) характерно для современных исследований социально-бихевиористической ориентации. Так возникло программированное обучение (1953 г.), которое вводило принцип членения процесса решения учебной задачи на отдельные операции, каждая из которых контролируется подкреплением, служащим сигналом обратной связи. Вместе с тем скиннеровская «технология обучения» вносила в теорию профессионального обучения и практику присущую всему бихевиоризму идею об идентичности научения.

Б. Ф. Скиннер вводит новый термин «оперантное поведение» – это поведение, определяемое событиями, которые следуют за реакцией (последствиями поведения). В отличие от Д. Б. Уотсона, он обращается к идее самодетерминации и самоподкрепления, полагая, что поведение не только влияет на окружение, но также порождает стимулы, которые действуют обратно на организм.

Согласно теории Б. Скиннера, ситуация как простая «совокупность случайностей» «вписывается» в более широкую систему отношений и интерпретируется личностью в связи с этой системой. Репертуар профессионального взаимодействия специалиста в значительной мере предопределен предшествующим развитием производственной системы. Реакции профессионала не совсем случайны, т. к. всякая новая ситуация – это момент его собственной жизнедеятельности, воспринимаемой им в свете его профессионального опыта, аккумулированного в его сознании и мышлении. Идея рассмотрения поведения человека в зависимости от тех последствий, которые оно вызывает в определенных ситуациях, существенным образом обогащает теорию ситуационного анализа.

Наиболее характерной особенностью метода Б. Скиннера является тенденция сосредоточения действий на одном стимуле, так называемое «целевое поведение», и на сопутствующих ему условиях среды, т. е. факторах, подкрепляющих это поведение и поддерживающих его. Терапевтическое вмешательство заключается в манипуляции подкреплениями таким образом, чтобы патологическое поведение угасало и постепенно замещалось более адаптивными реакциями. Подкрепления используются тогда, когда появляются желаемые реакции; нежелательные реакции остаются без подкрепления.

Под адаптивным поведением Б. Ф. Скиннер понимает поведение, позволяющее лучше приспособиться к окружающим условиям; поведение, которое проявляется в последовательном подкреплении спонтанно появляющихся адаптивных реакций. Изменение адаптивного поведения он связывает с методом целенаправленного подкрепления спонтанно проявляющихся внешних реакций, названных им «оперантным научением» – это «форма научения, в которой правильная реакция или изменение поведения подкрепляется и становится более вероятной» [41, С. 369].

Э. Торндайк, В. Килпатрик выдвинули теорию, согласно которой процесс обучения должен представлять собой цепь самостоятельных исследований и «открытий» обучаемыми новых фактов и явлений, относящихся к содержанию учебных предметов. В рамках данного подхода целью является обучение детей самостоятельным умениям мыслить и решать проблемы, в том числе и конфликтные. Задача учителя состоит в том, чтобы трудность процесса мышления соразмерить со способностями ученика. Бихевиористски ориентированные исследователи (Н. J. Eysenck, W. Arnold, R. Meili, 1975) утверждают, что о конфликте можно говорить только тогда, когда имеются альтернативные возможности реагирования. Задача учителя состоит в том, чтобы трудность процесса мышления соразмерить со способностями ученика.

Стремление понять природу интеллекта через процессы формирования когнитивных навыков характерно для современных исследований социально-бихевиористической ориентации (К. Fiscner, R. Feuerstein). Э. Торндайк, В. Килпатрик выдвинули теорию, согласно

которой процесс обучения должен представлять собой цепь самостоятельных исследований и «открытий» обучаемыми новых фактов и явлений, относящихся к содержанию учебных предметов. По мнению R. Feuerstein, интеллект – это динамический процесс взаимодействия человека с миром, поэтому критерием развития интеллекта является мобильность (гибкость, пластичность) индивидуального поведения. Источником мобильности выступает так называемый «опосредованный опыт обучения» [47]. Бихевиористы внедрили принцип реактивности, который означает, что анализ должен вестись изнутри. Томмен включил понятие «цель» как конструкцию, которая не существует онтологически.

Необихевиористы (К. Халл – гипотетико-дедуктивный бихевиоризм; Э. Толмен – когнитивный бихевиоризм) ввели термин «зависимая» переменная. Процесс мышления рассматривается как процесс выбора решения или как результат поведения по принципу стимул – реакция. Тем самым неявно предполагается или отсутствие сложных форм мышления в различных профессиях, или преобладание в них простейших, наглядно-действенных компонентов мышления.

Другие необихевиористы (Н. Миллер, Д. Доллард) наполняют разным содержанием когнитивную переменную, находящуюся, по их мнению, между стимулом и реакцией, которую они называли драйвом (медиатором). Драйв определяет силу внутри организма (но не потребность), которая, достигая оптимума, активизирует поведение в направлении подкрепления и, следовательно, редукции драйва, иначе говоря, это импульс к действию [1, С. 52]. В качестве медиатора А. Бандура рассматривает когнитивные процессы, к которым относит цели человека, его намерения и самовосприятие. Если же критически подойти к концепции Б. Скиннера, то можно выделить следующее: она не позволяет понять личность в целом и те константы, которые её характеризуют. Неслучайно поэтому А. Бандура, в отличие от Б. Ф. Скиннера, трактовавшего научение как приобретение прямого опыта, делает акцент на ведущей роли когнитивных компонентов в процессе научения.

А. Бандура первым из необихевиористов предложил объяснительный механизм когнитивных изменений человека в процессе научения. В центре социально-когнитивной теории лежит положение о том, что новые формы поведения можно приобрести в отсутствие внешнего подкрепления. А. Бандура устанавливает, что «... все феномены научения, приобретаемые в результате прямого опыта, могут формироваться косвенно, путем наблюдения за поведением других людей» [44, С. 37]. Его социально-когнитивная теория позволяет организовать психологическое воздействие таким образом, что каждый участник в процессе тренинга имеет возможность реализовать в специально спроектированных ситуациях свои символические реакции и наблюдать за тем, как другие участники реализуют свои намерения.

Говоря о вкладе бихевиоризма в понимание рассматриваемых нами феноменов, важно выделить особую роль инсайта в процессе решения профессиональной проблемной ситуации. Однако до сих пор отсутствуют исчерпывающие психологические описания динамики, механизмов, закономерностей возникновения и реализации инсайта в условиях профессиональной деятельности. Анализируя диалектику идей в области профессионального мышления, важно отметить вклад К. Лешли, углубившего понимание *трансцендирования* (Selftranscendence). Содержание сознания, мышления выходит за пределы физической реальности, когда, например, происходит соотнесение с прошлым опытом. Мышление трансцендирует за пределы содержания познаваемых образов.

По своей широте проблема трансцендирования имеет много аспектов. На один из них, принципиально существенный, обращает внимание С. Л. Рубинштейн, анализируя идею переноса как достижение бихевиористов, работающих в области профессиональной психологии: «Человек, научившийся кое-что делать, иногда в результате сам становится другим» [31, С. 39]. Проблема переноса, по мнению С. Л. Рубинштейна, упирается в вопрос о том, что выработка навыка должна быть компонентом рационально поставленного обучения. «Поэтому действие,

которое закрепляется в навыке, должно строиться на осознании метода действия, на понимании принципа операции, на уяснении места, которое закрепляемые в виде навыков операции занимают в сознательно осмысленной деятельности человека» [31, С. 39].

Интеракционистская концепция мышления

Теоретическое и эмпирическое исследование профессионального мышления в контексте решения конкретных ситуаций осуществлялось психологами **интеракционистской ориентации**. Интеракционисты, исследуя ситуацию как условия окружения, особое внимание уделяли выявлению активной сознательной роли субъекта в его взаимодействии с ситуациями.

Важное значение в интеракционистском направлении отводится восприятию ситуации индивидом, в частности, профессионалом, который на основе их категоризации и интерпретации создает собственные «когнитивные соответствия» профессиональным ситуациям, в том числе и конфликтным. Когнитивные соответствия содержат как индивидуальное, «личное» знание, так и общее, позволяющее людям приходить к согласию относительно содержания профессиональной ситуации. Категоризация и интерпретация таких ситуаций является основой их «определения» учителем, а «определение» профессиональной ситуации, в свою очередь, детерминирует конкретные действия и переживания специалиста, соответствующие этой ситуации. Таким образом, профессионал не просто реагирует на ту или иную профессиональную ситуацию, но «определяет» её, одновременно «определяя» себя в этой ситуации, и тем самым он фактически сам создает, «конструирует» тот социальный и профессиональный мир, в котором живет и работает.

Исходя из понимания ситуации как части действительности, непосредственно влияющей на текущее поведение, интеракционисты выделяют три уровня анализа среды: ситуационный, микросредовый, макросредовый. С точки зрения интеракционизма поведение личности в среде рассматривается как полидетерминированный процесс, в котором принимает участие множество факторов, действие которых носит вероятностный, часто нелинейный характер. По мнению Д. Магнуссона, перцептивно-когнитивно-эмоциональная оценка человеком самого себя и своих реакций включается в непрерывный поток стимулов и событий целостной ситуации. При этом восприятие и когнитивная оценка событий, элементов ситуаций определяется системой понятий и представлений человека о мире и о себе.

Основу интеракционистской модели составляет положение о том, что индивид функционирует и развивается в непрерывном процессе взаимодействия со своим окружением. В ходе этого взаимодействия он выступает как субъект целенаправленной активности. Идеи классического интеракционизма четко сформулированы Н. Эндлером и Д. Магнуссоном:

1. Актуальное поведение есть функция непрерывного взаимодействия (прямой и обратной связи) между индивидом и ситуацией, в которую он включен.
2. В этом процессе индивид выступает как субъект активности, преследующий свои цели.
3. На стороне индивида существенными детерминантами поведения оказываются перцептивные, когнитивные и эмоциональные факторы.
4. На стороне ситуации важным детерминирующим фактором становится психологическое значение ситуации для индивида [49].

Исследуя **интеракцию** как взаимный детерминизм, они подчеркивали активную созидательную роль субъекта в его взаимодействии с ситуациями. Когнитивные переменные рассматриваются как опосредующие между ситуацией и поведением. В такой интеракционистской модели восприятие (или конструирование) мира является независимой, а поведение – зависимой переменной. Отличительная черта интеракционизма – представление о реципрокном характере отношений между человеком и его жизненной средой. Средовые факторы влияют,

конечно, на жизнедеятельность индивида, но и индивид влияет на среду, иногда значительно изменяя её.

Интеракционизм базируется на трех метатеоретических положениях, разработанных Д. Магнуссоном:

1. Индивид существует как единый, интегрированный организм. Любые особенности его функционирования и развития подчинены целому. Предмет исследования – структура релевантных факторов, определяющая функционирование и развитие индивида, а не переменные сами по себе.

2. Индивид функционирует и развивается в непрерывном процессе взаимодействия со своим окружением. В ходе этого взаимодействия он выступает как субъект целенаправленной активности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.